

Татьяна Юрьевна Степанова

Прощание с кошмаром

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129534
Т.Степанова Прощание с кошмаром: Эксмо; Москва; 2000
ISBN 5-04-002783-4

Аннотация

Почерк этого убийцы не спутаешь ни с каким другим: он уносит с собой головы своих жертв. Множество самых неожиданных версий придется проанализировать начальнику «убойного отдела» Никите Колосову и журналистке Кате Петровской, прежде чем зигзаги расследования приведут их к дверям респектабельного особняка. Кроме комнат, обставленных с аристократической изысканностью, в нем имеется подвал, куда даже хозяин спускается весьма неохотно. И это понятно: ведь нормальный человек с трудом может принять то, что происходит под сумрачными сводами...

Содержание

Пролог	4
Глава 1 ПРОПАВШИЙ ПАССАЖИР	7
Глава 2 КРАСНЫЙ ОКЕАН	13
Глава 3 ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...	19
Глава 4 КРОССОВКИ С СЮРПРИЗОМ	23
Глава 5 «Я НЕ УБИВАЛ!»	27
Глава 6 ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ	31
Глава 7 НА ВОСТОК!	39
Глава 8 НАЧАЛО ВСЕГО	47
Глава 9 ХОЗЯИН И СЛУГИ	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Татьяна СТЕПАНОВА

ПРОЩАНИЕ С КОШМАРОМ

Пролог

Свет в подвале был недостаточно ярким. Мощная лампа, укрепленная на стальном кронштейне в центре низкого сводчатого потолка, освещала лишь малую часть этого просторного помещения. Ниши в кирпичных стенах со встроенными в них закрытыми стеллажами, углы – все это тонуло в сумраке. В подвал никогда не заглядывало солнце – здесь просто не было окон. И когда гасили лампу, тут воцарялась крошечная тьма.

Но сейчас в подвале было светло и работали люди. Двое. Оба полуодетые, взмокшие от усталости и напряжения. Несмотря на жаркий летний день, в подвале вовсю раскошегарился АГВ – нагревал воду в чугунном корыте, вмонтированном в цементный пол. Была включена на полную мощность и электроплитка. Над ней на крюке, вбитом в стену, что-то сушилось. Что-то темное, бесформенное.

Люди трудились молча и сосредоточенно. Точнее, работал один, сидя за небольшим столом со столешницей из белого больничного кафеля. Так ее было удобнее мыть *после работы*. Просто протереть губкой с мылом...

Второй стоял у стола, подавал инструменты как подмастерье. Вот из рук в руки перешли длинные изогнутые хирургические ножницы, вот нож с коротким острым, как бритва, лезвием.

– Г-гадство... расползается прямо под руками... г-гадство. – Тот, кто работал за столом – молодой парень, внезапно резко выпрямился. – Не рассчитал, потянул, а оно...

Второй – постарше – придушенно ахнул, всплеснул руками:

– Потянул? Ну-ка покажи! Разорвал?! Опять все испортил? Ну-ка дай сюда!

Он грубо спихнул сидящего со стула, наклонился и...

– Ч-черт! Черт, зараза, у тебя руки или что, Женька? Руки с какого места растут? Потянул он! Снова все испортил! Снова все насмарку – столько трудов! Кретин несчастный, что вытаращился на меня? Это что, работа? Работа, а? Этому тебя учили?!

– Меня учили делать работу хорошо... Стараться... – Речь «несчастливого кретина» была немного странной – чуть замедленной, словно он припоминал слова заученного урока, ускользавшие из памяти. – Я не хотел...

– Не хотел он! Ну а что теперь с этим делать? Куда это девать? Разрыв на самом видном месте, – шипел старший. – Это даже выбросить нельзя. Черт! Столько работы, столько мучений и вот – все коту под хвост.

– В прошлый раз я все сделал правильно, – младший нахмурился. – И в прошлый раз не было такого гадства. Я говорил, что это нельзя класть в холодильник. – Он кивнул на белое громоздкое пятно, выступавшее из сумрака дальнего угла подвала.

Старший снова грубо толкнул младшего – вроде приказывая посторониться, а на самом деле просто срывая злость и досаду. *Положить это в холодильник* была его идея. Чучельник и правда предупреждал, что этого делать нельзя. Чертов полудурок оказался прав!

Где-то наверху, словно под сводами, лязгнула железная дверь. Кто-то осторожно начал спускаться по лестнице.

– Ну, как дела подвигаются? – Того, кто спрашивал, трудно было разглядеть в сумраке. Голос же, хорошо поставленный, мужественный и звучный, но сейчас усталый, с простуженной хрипотцой, свидетельствовал о том, что обладатель его тоже еще молод, но и молодость, а также, возможно, и иные подарки судьбы – здоровье, привлекательность, физиче-

ская сила – ему уже как-то не в радость. Отчего? Ответ на этот вопрос подсказали бы его глаза, взгляд, выражение лица. Но человек так и остался невидимкой, прячущимся в тени: спустился лишь до середины лестницы, куда не достигал свет лампы, и остановился, облокотясь на железные перила.

– Все ни к черту, – старший из работавших в подвале злобно сплюнул. – Разорвалась!

Он чувствовал на себе взгляд стоявшего на лестнице. Тот явно ждал объяснений, жалоб: мол, Чучельник снова все испортил. Проклятый идиот! Но жалоб не последовало. Старший не имел привычки играть роль доносчика. Чаще он даже брал вину на себя, выгораживая Чучельника. Так уже было не раз. Ведь Чучельник доводился ему младшим братом. И он считал, что они всегда разберутся сами между собой, без посторонних.

– Ну, чего-то в этом роде и следовало ожидать. При такой квалификации, – стоявший на лестнице усмехнулся. – Значит, придется исправить ошибку.

Наступила гнетущая пауза. Было слышно лишь шипение электроплитки да клототание начинавшего бить ключом кипятка в чугунном корыте.

– Очень жарко тут, – заметил стоявший на лестнице. – Сахара, да... Ну, что застыли? Идите отдыхайте пока. Только сначала, Егор, убери здесь все. *Будь добр.*

В последних словах было что-то такое... Старшему почудилось, что он словно змее на хвост наступил и она человеческим голосом заговорила с ним...

– Ладно, – буркнул он торопливо и покорно. – Я уберу и... Только принеси пластиковый мешок, наши тут все кончились. Я в таком виде наверх не пойду. А вечером вывезу все... все бранные останки... Мы не хотели, правда. Так получилось. Материал – дрянь.

– Г-гадство, – эхом откликнулся его напарник. Голос его дрогнул от разочарования.

– Начнете все сначала. – Шаги двинулись по лестнице вверх. – Сейчас принесу пакет и швабру. И пусть Женька пол тут вымоет до зеркального блеска, а то... – Дверь лязгнула.

Человек постарался закрыть ее за собой как можно тише, но она, проклятая, все равно каждый раз лязгала, как несмазанные крепостные ворота или магнитный запор новехонького домофона в кооперативном доме. Он медленно направился по узкому коридору в кладовку. Эти переходы-щели и этот гулкий и просторный, как футбольное поле, подвал – все это были издержки планировки старого замоскворецкого купеческого особняка: приземистого, двухэтажного, с мезонином и развалившейся башенкой-флагштоком на покатой крыше.

Особняк недавно был отремонтирован, но старую планировку помещений сохранили. Он сам лично настоял на этом. Некогда, до революции, в этом доме помещался лабаз и товарные склады купца Пескова. Затем уже перед самым 17-м сюда переехало замоскворецкое отделение Русско-азиатского коммерческого банка. Тогда-то здесь укрепили и обустроили этот роскошный подвал-бункер. А после революции и войны тут обитало бесчисленное множество сменявших друг друга контор и НИИ, последний из которых развалился в начале 94-го от безденежья и невостребованности его научных идей и кадров. И в этом же году дом, точнее его обветшалый призрак, откупил у властей столицы предприимчивый Салтычиха. Сначала здесь планировалось открыть салон по продаже стройматериалов, но затем...

Дверь демонстрационного зала была приоткрыта. Оттуда лились потоки жаркого солнечного света – стекла современных окон немецкого качества, скрадывающих уличный шум, защищенных мощной стальной решеткой, всего два дня как отмыли.

Из зала доносилась тихая музыка: перед тем как спуститься в подвал, он включил в зале видео, причем исключительно из-за музыки выбрал фильм «Дитя Макона» Питера Гринюэя. Но находившиеся в зале покупатели не смотрели на экран, где разыгрывалась мистерия о девственнице, родившей младенца. Покупателей всего-то было двое: ожиревшая немолодая супружеская пара, более похожая не на людей, а на породистых шарпеев, бредущих на одной сворке. От количества украшений на «мадам» у него сразу же зарябило в глазах. И

он поручил их заботам умницы Лекс – Лександры-Александрины. Пусть поглазеют, приценятся, может, что и купят сдуру...

– Это чересчур уж какое-то пестрое, Ира, – донесся вальяжный басок. – Глянь на табличку-то во-он там внизу... Что он там намалевал-то? Как это хреновина зовется?

– Зато модно и подойдет под обои, – голос «мадам» был безапелляционен, словно неотложное хирургическое вмешательство. – В спальне, Лёсик, над кроватью нам просто необходимо такое яркое, цепляющее глаз пятно. И вообще, по-моему, это стильная вещь. Девушка, эта картина продается? Сколько она стоит?

«Оттого-то *они*, накопив к сорока годам бабок и переведя их благополучно за Альпы, и бросают таких вот подруг суровых дней и бедной юности и женятся на юных, длинноногих и миловидных. Такое карканье над ухом каждое утро – это ж подохнешь!» Человек осторожно прикрыл дверь в демонстрационный зал. Эти двое еще долго будут раскачиваться, он успеет зайти в кладовку, отнести все вниз и вернуться. К тому же, если эта парочка все же надумает купить этюд Сарьяна, Лекс его позовет.

В кладовке он извлек из старой рухляди пластиковый пакет, из тех, в которых домохозяйки хранят в антимолу меховые вещи. Весной они с Егором купили целую кипу таких пакетов в хозяйственном в Павловском Посаде. Великоват, конечно, но удобен. Самое оно: черный плотный пластик. И главное – *непромокаемый*.

Когда он возвращался, сквозь закрытые двери зала все еще доносилась музыка. Клаве-син, свечи, тайна средневековой мистерии – «Дитя Макона»... Бог ты мой, Гринуэй и его грезы, божественная заумь... Но очень, очень душевно и заманчиво. А кто не знает, тот, как говорится, пусть отдыхает. Пусть...

Там, за этими дверями, было все то, что он любил. И там была Лекс и эти шарпеи с их невежеством и деньгами. А он... он лишь крепче зажал под мышкой пластик и двинулся в подвал – место, которое и существовало только для того, чтобы была возможность и впредь иметь все те милые сердцу, приятные духу, глазу, слуху предметы и вещи. Это было словно две стороны одной медали – подвал и то, что наверху, над подвалом, залитое солнечным светом, наполненное музыкой. И одна без другой стороны существовать не могли.

Человек открыл дверь в подвал, и она снова лязгнула, пугая тишину. ЧТО Ж, ЕСЛИ ВСЕ ИХ ТРУДЫ ПОШЛИ НАСМАРКУ, ЕСЛИ ИСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ СНОВА ИСПОРЧЕН, ПРИДЕТСЯ НАЧИНАТЬ ВСЕ ЗАНОВО. С нуля. А те бранные останки... Человек не хотел лукавить сам с собой – сил нет смотреть на эту блевотину, этот ужас, но... Вечером Егор отвезет эту мертвечину куда-нибудь подальше за Кольцевую. И зароет в лесу. Как он делал и прежде, когда работа не удавалась. И никто никогда ничего не найдет. Никто и нико-гда.

Глава 1 ПРОПАВШИЙ ПАССАЖИР

Дело оказалось совсем не таким простым, каким представилось на первый взгляд. Даже совершенно непростым – в цепи событий внезапно появилась странная загадка, и это весьма и весьма озадачило Катю Петровскую.

Катя, а если более официально, Екатерина Сергеевна – криминальный обозреватель пресс-центра областного ГУВД, вот уже целую неделю слезно жаловалась всем и каждому, что по уши увязла в трясине скуки: лето – мертвый сезон. И даже уголовный элемент всех мастей и окрасок знойным месяцем июнем, когда на небе ни облачка, а на градуснике тридцать выше нуля, вял, ленив и малооригинален в нарушениях закона.

Нельзя было, конечно, сказать, что на всем белом свете, а точнее, в лучшей его части – Подмоскovie вообще не случалось никаких криминальных происшествий. Нет, как обычно, «контингент» регулярно совершал противоправные действия: воровал, насиловал, грабил. Но все это была уже набившая оскомину, надоевшая до чертиков рутина – никаких ярких, захватывающих, интригующих тем для газетного репортажа. Ни малейшей сенсации.

Короче – полный профессиональный ноль. Но вдруг... Сидя в пустом кабинете, залитом заходящим над родным Никитским переулком солнцем, едва живая от духоты и усталости, Катя – по ряду причин ей предстояло задержаться на службе до восьми вечера – в который уж раз перебирала в памяти события минувших суток, результатом которых и стала эта ужасная и таинственная находка в лесном овраге.

Началось же все это дело с громкого, хотя и не особенно оригинального ЧП: на двадцатом километре шоссе, ведущего в аэропорт Быково, ранним июньским утром водитель бензовоза неожиданно для себя услышал доносившиеся из-за поворота дороги выстрелы. Рисковать он не стал – мигом развернул махину-бензовоз и что есть сил погнал на ближайший пост ГАИ.

Первый милицкий наряд прибыл «туда, где стреляли», то есть на двадцатый километр, через четверть часа, точнее, в пять семнадцать утра. Кате же и прочим сотрудникам пресс-центра стало известно о происшествии, как только они пришли на работу – то есть около девяти утра. Но пока собрались, пока завели свою потрепанную машину, пока «докондехали» до городка Красноглинска (расследовать ЧП пришлось ОВД именно этого района), дело уже крутилось вовсю, и к официальным лицам, как-то: следователю Красноглинского ОВД, сотрудникам спецбатальона ГИБДД и местному начальству, окрыленному энергичным раскрытием и задержанием по горячим следам банды дерзких злоумышленников, – было прямо-таки не подступиться на пушечный выстрел. Все «официальные» были до чрезвычайности «при исполнении» и от прессы и телекамеры прямо шарахались: у нас такое раскрытие, ребята, а вы тут со своей ерундой под ногами крутитесь!

Но Катю подобным обидным пренебрежением было не пронять. Вы, ребята, сами по себе – и мы из пресс-центра тоже сами по себе. У вас – героическое раскрытие особо тяжкого, а у нас – святая обязанность информировать о вашем героизме и оперативности широкие массы, формируя у общественности позитивный взгляд на деятельность правоохранительных органов. Так что будьте ласковы, товарищи следователи и оперы, не скаредничайте, не зажимайте информацию, а смело делитесь с ведомственной прессой о том, как вы сейчас взяли этих бандитских гадов, как сделали их и...

Вишневый «Икарус» на обочине – это было первое, что узрела Катя еще из окна пресс-центровских «Жигулей». Пустой автобус, а возле него – толпа галдящих испуганных пассажиров, милиционеры в форме, эксперт-криминалист с фотокамерой.

– Они к нам сразу же как сиганули, заорали: «Ограбление, всем стоять-сидеть на местах, быстро деньги – «зеленые» и какие есть, и все золото, что на пальцах и в ушах».

Так прямо и заявили, дословно говоря, – возбужденно жестикулируя, рассказывала одна из женщин в толпе, обращаясь к стоявшему подле нее омовцу. – Это прям какой-то ужас – в двух шагах от аэропорта! Сначала-то никто из нас и не понял ничего. А потом, когда этот лоб в маске выстрелил, мы...

И правда, как удалось выяснить Кате из бесед с очевидцами-пассажирами, в первую минуту в «Икарусе» никто толком ничего не понял. На этом автобусе ехали в столицу дальние путешественники – челноки аж из самой Йошкар-Олы. «Икарус» был забит багажом до предела. После утомительного ночного переезда почти все пассажиры в салоне спали. Водителя, валившегося на руль от усталости, только-только сменил его напарник. Утреннее шоссе (а часы на приборной доске «Икаруса» показывали всего половину пятого утра) было пустынным и тихим.

Как вдруг на двадцатом километре автобус бесшумно обогнала неизвестно откуда взявшаяся черная «девятка». Она вильнула перед самыми фарами «Икаруса» и резко перегородила дорогу. От неожиданности водителя прошиб холодный пот – столкновение казалось неминуемым. Он крутанул руль, взвизгнули тормоза и...

– Открывай дверь, быстро! – Водитель даже не успел понять, что происходит: к автобусу бросились пассажиры «девятки» – один, второй, третий. Секунда – рывок, и... некто в черной маске-«бандитке» уже у самой кабины. На водителя уставилось пистолетное дуло.

Некоторые пассажиры «Икаруса» проснулись от резкой остановки. Других разбудил шум, когда эта троица из «девятки» (всего, как оказалось, там было четверо) ворвалась в салон и прямо с порога громогласно объявила, что это, мол, ограбление, деньги, мол, на бочку...

Сама бандитская акция длилась не более восьми минут. Как рассказывали пассажиры, один из налетчиков в маске продолжал держать водителя под дулом пистолета, второй – явный «води́ла» – оставался за рулем, а остальные двое (тоже в масках) быстренько прошвырнулись по салону. Мало слов – много дела, угроз и экспрессии: дуло в зубы, рука – за дамскую сумочку, мужскую визитку, бумажник. Некоторых пассажиров заставляли вставать – срывали кожаные пояса с деньгами. А одному бедолаге даже приказали спустить брюки и трусы, подозревая у него потайной набрюшник. Когда пассажир заартачился, а остальные негодуя зашумели, бандит, охранявший водителя, молча и многозначительно пальнул – конкретно ни в кого не целился, но негодование разом стихло.

Ограбление шло своим чередом, пока, по словам очевидцев, нападавшие не дошли до «той женщины в красной кофте», как ее называли остальные пассажиры «Икаруса». Когда бандит схватил ее сумку, женщина забилась в истерику, крича, что еле нашла денег на поездку, наскребла у родственников, что дома дети, парализованная мать, что муж вот уже полгода как не получает зарплату на заводе, и что, только продав эти чертовы корейские кофты из ангорки, она надеялась хоть как-то свести концы с концами, и что «неужели у вас нет сердца и вы не понимаете, что мы так с голоду подохнем?!», и что «уж лучше стреляйте меня, потому что без денег я дома детям на глаза не посмею показаться!».

Нападавшие явно не ожидали такого потока брани, слез, воплей, яростной непокорности и абсолютного презрения к демонстрируемому огнестрельному оружию. Тот, кто «экспроприировал» сумку, сначала даже попятился, но потом, рассвирепев, со всего размаха вехал строптивой жертве кулаком в подбородок. Нет, никто из пассажиров не вступился – все челноки были парализованы страхом, однако...

Однако этот эпизод и явился катализатором к дальнейшим событиям, которые, как опять же рассказывали очевидцы оперативникам, следователю и лично Кате, развивались так: женщина захлебнулась криком, но продолжала отчаянно цепляться за сумку. Ее ударили рукояткой пистолета по пальцам. На заднем сиденье оставалось еще четверо необобранных пассажиров. Им приказали «по-быстрому скинуть баксы», но они медлили. Тогда бандит,

охранявший переднюю дверь, снова выстрелил – на этот раз пуля разбила стекло в одном из окон. С грохотом посыпались стекла, среди пассажиров началась паника, и в этот миг шофер, воспользовавшись тем, что о нем вроде бы позабыли, закрыл двери автобуса, а сам попытался через свою персональную дверь выскочить из кабины, но... Бандит в маске выстрелил на этот раз уже прицельно в этого безрассудного смельчака. К счастью, лишь легко ранил в мякоть предплечья.

– Открывай двери! У нас гранаты с собой – взорвем к... весь ваш табор!!! – орали нападавшие. – Считаем до трех, ну!

– Откройте двери, ради Бога, пусть они убираются, – запричитали наиболее пугливые из пассажиров. – Не дай Бог возьмут нас в заложники!

Водитель не стал ждать второй пули – открыл обе *двери*. И вот черная «девятка» газанула – и только они ее и видели.

Когда Катя беседовала обо всех этих событиях с потерпевшими, те ее через каждую секунду спрашивали: «Девушка, а правда, что их задержали? Это точно? И когда же нам вернут наши деньги?»

Катя насчет задержания говорила, что правда, а насчет денег и возврата имущества уклончиво советовала потерпевшим обращаться к следователю Красноглинского ОВД. Тот, уже обалдевший от криков челноков, требовал, чтобы всех потерпевших немедленно убрали с места происшествия, где еще не закончился осмотр, и отвезли на специальном автобусе в отдел милиции. Но челноки боялись оставить свой багаж в «Икарусе» и наотрез отказывались без него ехать в отдел. А отбуксировать сам «Икарус» тоже было пока нельзя, потому что храброго, но безрассудного напарника водителя, раненного в сражении, вместе с пострадавшей «женщиной в красной кофте» только-только увезла «Скорая». А сменный водитель от всего пережитого был в настоящем шоке: глотал валидол, и у него, по его признанию, «все плыло перед глазами». Ждали шофера с автобусом из местного автопарка, но он запаздывал. Дело, в общем, было обычное, житейское...

Кате все эти житейские неурядицы показались адом крошечным. Однако, не теряя времени, она тишком порасспросила сотрудников ГАИ – те всегда знали больше других – про обстоятельства задержания по горячим следам пассажиров «девятки». К счастью, далеко с награбленным они не ушли. Благодаря оперативности водителя бензовоза, услышавшего выстрелы и предупредившего милицию, ГИБДД успела перекрыть шоссе и все повороты на проселки, и на одном из них, неподалеку от аэропорта, черную «девятку» заметили и задержали спустя всего час после событий на шоссе.

– Со стрельбой брали? – все допытывалась Катя у гаишников. – Красиво?

– Нет. На этот раз все по-тихому прошло, – скромничали те. – Тормознули и сразу поставили под автоматы. Они, конечно, тоже со стволами, но... Во-первых, не ждали, что так быстро вяпаются, а во-вторых, просто шкурой рисковать не захотели. Да и пушка-то настоящая у них одна, остальные газовые, так, для устрашения только. С таким арсеналом на автоматы не попрешь.

Узнав, что бандиты, видимо, местные, что оружие, маски и награбленное у них уже благополучно изъято, а сами они уже препровождены в Красноглинский отдел, Катя уже было собралась стремглав мчаться туда. Авось и повезет – в Красноглинске у нее была масса знакомых сотрудников. И, возможно, появился бы удачный шанс пообщаться с этими дорожными отморозками сразу же после их задержания (такое интервью очень бы оживило репортаж). Но тут внезапно произошло событие, с которого и начались в этом в принципе простом, хотя и до ужаса *громком* деле все загадки и заморочки.

Толпа челноков горлопанила: одни продолжали наотрез отказываться ехать в милицию без багажа. Другие вроде бы уже соглашались покинуть родной «Икарус», но предва-

рительно настаивали на том, чтобы сохранность багажа была сначала проверена прямо при них на месте: «А то ищи потом, куда вы наш автобус отгоните!»

Измотанный, злой следователь не выдержал и сдался: ладно проверяйте свои баулы, и тронемся. И вот едва оправившийся от стресса водитель открыл багажное отделение, как вся толпа хлынула перетряхивать вещи. Челноки, пыхтя, выволакивали из брюха автобуса клетчатые клеенчатые баулы, сумки на колесиках, пакеты, узлы и тюки. Когда все разобрали свое, в багажнике остались еще две небольшие спортивные сумки.

– А это чье добро? – удивленно спросил водитель. – Эй, кто хозяин?

Послышались голоса: «Бог его знает» и «Нам чужого не надо».

– Да это, наверное, соседа моего, – раздался голос из толпы. – То-то гляжу, его не видно что-то. Куда ж это он делся в суматохе?

Катя, хоронясь за спиной одного из оперативников, выслушала сбивчивые объяснения полного мужчины, данные им сотрудникам милиции: мол, позади него на последнем, если считать от средней двери, сиденье ехал молодой парень. «Какой-то узкоглазый. Ехал с нами не с дома, а подсел где-то по дороге. Вроде сказал мне, что Кимом его звать – я не усек: то ли в честь Коммунистического Интернационала, то ли в честь корейского вождя. На вид восточный, но по-русски говорит, как мы с вами. Наш, в общем, кореец. А вот когда и куда он делся, сказать не могу, – толковал челнок. – Как эти в масках ввалились к нам, сами понимаете, тут уж не до соседей стало. Потом стрельба, потом, как двери открыли, эти твари выскочили с нашими-то деньгами, ну, тут мы тоже по сторонам не оглядывались. А может, он следом за ними утек? Ведь у самой двери сидел. Только зачем? Куда это его понесло?»

Тут его сбивчивый рассказ прервали – омовцы подогнали наконец собственный автобус и потерпевших начали спешно грузить. Следователь уже терял остатки терпения: в отделе задержанные ждут, осмотр места еще не закончен, да тут работы на сутки хватит!

– А с сумками этими что же? – спросил водитель. – Я, ребята, сразу предупреждаю: что в них – понятия не имею. А то будете потом собак вешать.

– Выбирайте выражения, уважаемый, – сухо отрезал следователь.

Катя молча и с любопытством разглядывала сумки, сиротливо стоявшие на траве. Странно как: ехали челноки в столицу, напали на них разбойники, грабанули, а потом один из челноков словно в воду канул. С чего бы это? Может, это был наводчик? Один из тех, кто помогал «девяточникам» изнутри, «пятая колонна», так сказать? Да нет, чушь. Что эти, в масках, из ЦРУ, что ли? Банальные деревенские бандиты, этикие махновцы-гуляй-поле. У таких все проще пареной репы: побольше угроз, побольше наглости. Они вон и шума особенно не боятся – палят на дороге почем зря. Вывод: не первый это случай у них, а прежние благополучно сходили с рук. Забрасывать же, словно диверсанта, наводчика в автобус, вести его (по радию, что ли?) для таких махновцев – что-то слишком уж мудрено... Но тогда куда же делся пассажир, так и не доехавший до столицы каких-то двадцати километров и бросивший багаж? Да и багаж что-то для челнока маловат... Она оглянулась.

Милиция тем временем тормознула легковушку. Ясно, следователю потребовались понятия для вскрытия и осмотра бесхозного имущества. Катя придвинулась ближе, вытянула шею. Оператор телегруппы дышал ей в затылок, готовясь снимать. И чутье на интересный кадр его не подвело. Из двух спортивных сумок извлекли семь тугих, аккуратно запечатанных пластиковых пакетов с... Катя видела подобные вещички уже не раз: анаша.

– Наркота?! – Едва услышав, водитель «Икаруса» только руками замахал: – Вы меня в это не путайте, я и так чуть инфаркт тут не заработал. Почем я знаю, чье это?

Катя краем уха услышала, как следователь тихо беседовал с оперативниками: можно, конечно, предположить, что анашу в Москву вез тот самый пропавший в суматохе парень. Если это наркокурьер, должен был сразу смекнуть, что после ограбления на дороге не миновать встречи с милицией, а поэтому счел за лучшее смыться, бросив товар, но... Точно так

же можно было предположить и то, что наркокурьер – кто-то из челноков, отправленных в отдел. Кто-то, посчитавший за лучшее не афишировать при милиции свое право собственности на эти сумки, а поэтому...

– Ладно, коллеги, сейчас закончим тут, приедем в отдел и разберемся со всей этой неразберихой, – подытожил неудачным каламбуром следователь. – А насчет пропавшего пассажира... – Он ограничился пока тем, что отрядил одного из оперативников повторно опросить толстого челнока о приметах его таинственно исчезнувшего соседа.

Катя присутствовала при осмотре автобуса и наблюдала за кропотливой работой эксперта-криминалиста. Раз не уехала в Красноглинск сразу, теперь лучше подождать, когда здесь все закончат. Надо держаться поближе к этому деловитому следователю. Андреев, кажется, его фамилия...

Солнце пекло немилосердно: час дня. Ого, как время летит! Оператор, закончив видеосъемку, угнезвился в тени кустов боярышника на обочине. Туда же с дороги уползла и Катя. А следователь, эксперт, оперативники под палящими лучами все еще осматривали дорожное покрытие – на асфальте шоссе кое-где отпечатались бурой глиной фрагменты протекторов разбойничьей «девятки».

И тут вдруг из-за поворота послышались резкие переливы милицейской сирены. А затем вылетел на всех парах, дребезжа и вихляясь, словно параличный, старенький «уазик»-«канарейка» – средство передвижения дежурной части Красноглинского ОВД. «Канарейка», взвизгнув, тормознула возле «Икаруса».

– Надо же... еще одно... – донеслось до разомлевшей от жары Кати. – В прокуратуру уже звонили – прокурор на обеде, отъехал, ждут. Если здесь закончили, перебрасывайтесь туда. Там работы...

Катя слушала через силу: Господи, какая жара! И это только еще середина июня! Какое-то новое происшествие... Так всегда бывает: не сложились с утра дежурные сутки, значит, как в пословице будет – таскать не перетаскать...

– Колосову в главк уже звонили... Сказал, что едет, чтобы начинали там пока без него...

Катя заставила себя отлепиться от спасительной тени кустов. Насторожилась. Это что еще такое? Если Никита Колосов – начальник отдела убийств областного уголовного розыска, у которого сегодня (это было ей доподлинно известно) соревнования по стрельбе на тренировочном полигоне в Видном, бросает все и мчится сюда, то...

– А что случилось-то? – вкрадчиво спросила она у молодого, мокрого, как мышь, от трудового перенапряга на солнцепеке оперативника, лицо которого, однако, выражало самый живейший интерес к происходящему.

– Жмурик, – интимно сообщил он, – в дежурку какой-то дачник сообщил. Они с семьей в лесу остановились на минутку. Там овраг, а через него мосточек. Ну, жена спустилась и вдруг кричит: да тут крови полно! Там под мостом труба для сточных вод, ну, а он вроде в ней...

– Кто? – Катя испуганно округлила глаза.

– Да жмурик, я ж говорю. Ноги только наружу торчат. Сейчас поедem... Эй, Катя, вы куда? Вы же на машине – так нас с напарником захватите! Это ж сорок седьмой километр у Кошеевки, на границе района.

Катя от неожиданности едва не споткнулась: ну и названьица в Подмоскoвье у деревень! Тихий Погост, Кошеевка, Красные Могилы, например... И охота жителям обзывать места, где они «родились и сгодились», так мрачно?

...И теперь, сидя в душном кабинете пресс-центра, она снова и снова вспоминала то странное чувство, охватившее ее, когда она уже садилась в машину. Она, помнится, машинально оглянулась: «Икарус», раскалившийся на солнце, сожженная жарой трава в кювете, темная стена леса по обеим сторонам шоссе, дорожный указатель на аэропорт. А над всем

этим белесое от зноя небо – как опрокинутая чаша. А в нем – высоко-высоко черная точка. Жаворонок? Скорее галка; какие сейчас жаворонки, откуда? И как в «Неуловимых»: И – ТИШИНА-А-А...

Дико даже представить, что всего каких-то несколько часов назад здесь гремели выстрелы, кричали и бесновались люди...

И только сейчас, уже на исходе дня, вспоминая с содроганием то, что довелось ей увидеть в ТОМ ОВРАГЕ у той самой Кощеевки, Катя понимала: насколько лжива и обманчива была призрачная летняя тишина на подмосковной дороге.

Глава 2 КРАСНЫЙ ОКЕАН

В жаркий полдень, когда дрожит и плавится от зноя воздух над заросшими сорной травой полями, когда липнет асфальт к подошвам, осматривать явно криминальный труп – это, знаете ли, весьма сомнительное удовольствие.

Сама Катя в этом отношении была человеком крайне робким и брезгливым. Однако по роду служебной деятельности осмотра мест происшествий – ДТП, разбойных нападений, ограблений и ДАЖЕ убийств ей было не миновать. «Картинка», снятая на натуре, – соль любого репортажа, а личные впечатления криминального обозревателя на месте происшествия – девяносто пять процентов успеха любой статьи, но... Но каждый раз, когда судьба и собственное безрассудное любопытство толкали ее на этот опрометчивый шаг, сердце Кати замирало в груди, а потом тревожно ухало куда-то вниз к спазматически ноющему желудку. И она старалась с самой первой секунды настроить себя на энергично-деловитый лад, отсеять эмоции и... Но это было легко на словах, а на деле-то...

Когда они с оператором и сыщиками подъехали на сорок седьмой километр и оперативники выскочили из машины и через кусты напролом заспешили к оврагу, Катя вылезать не торопилась и лишь пугливо вытягивала шею, стараясь и одновременно страшась увидеть «жмурика».

– Ну что же ты? Выходи. – Оператор что-то тоже, однако, преувеличенно деловито возился с камерой.

– Сейчас... А где он?

– Оно. Тело. Там, – и оператор сделал жест, каким в римских амфитеатрах зрители приказывали победителю-гладиатору прикончить раненого противника.

И тут Катя внезапно узрела Никиту Колосова. Умение начальника отдела убийств уголовного розыска области неожиданно появляться в тех местах, где его ждут, скажем, ну только лишь через час или вообще к вечеру, изумляло Катю. Ведь Никита с утра был в Видном: палил по-македонски, или как там это делают они, настоящие профи, по движущейся мишени, а от Видного до Красноглинска – дай Боже сколько, но...

Правда, у Колосова теперь новая машина. Старушка «семерка», с которой он, кажется, сроднился и сросся, отдала концы, и Колосов, подначиваемый приятелями, купил себе на Южном рынке подержанную «девятку». Зато самого лихого и бандитского вида – черную, как жужелица, да еще с какими-то пижонистыми «подкрылками», которые, согласно дурацкому вкусу автомобильных купцов, должны были слегка облагородить отечественный жигулевский силуэт, придав ему иномарочный шик.

Известно, что не место красит человека, тем более не новая, пardon, подержанная тачка. Но с тех пор как Колосов пересел на нее, Катя стала замечать в нем кой-какие новые черты. Так, на мускулистой и загорелой шее начальника отдела убийств с некоторых пор появилась тонкая серебряная цепочка. А ведь прежде Никита ничем себя не украшал.

Но сейчас эта серебряная полоска, видимая в вырезе расстегнутой по случаю жары рубашки, в сочетании с пыльной бандитской «девяткой» и пистолетной кобурой из желтой телячьей кожи придавала Колосову дурацкий молодецкий вид, что одновременно позабавило и раздосадовало Катю. Среди ее друзей в «крутого» до сих пор еще не надоело играть одному лишь драгоценному В. А. Кравченко – ее молодому человеку, личная жизнь с которым... Впрочем, обдумывать свои переживания было несколько неуместно. Однако (так уж легкомысленно она была устроена Создателем), прежде чем окончательно выйти из машины и поздороваться с Никитой, Катя успела еще подумать и о том, что с некоторых пор большинство участковых Подмоскovie, а также весь прочий младший и средний оперативный состав посетило странное поветрие: все эти профи начали появляться на службе со скром-

ными серебряными печаточками на безымянных пальцах. Кате было крайне любопытно, но, как она ни доискивалась, вычислить истоки этой повальной моды ей так и не удалось.

– Ух и жарко, Катерина Сергевна... Катя... привет, – Колосов выпалил все эти нескладушки единым духом. – Думал, изжарюсь заживо, а ты... ты давно здесь?

– С половины одиннадцатого, мы автобус только закончили осматривать. В Красноглинск все никак не доедем. Этих-то ведь уже задержали. – Катя, хотя она и была рада видеть Колосова, напустила на себя деловой вид.

– А, этих... Ладно, – Колосов махнул рукой. Ясное дело: автотранспортники – не его клиентура. Ими в розыске занимается специальный автотранспортный отдел, начальник и половина личного состава которого пеклись на солнце с самого утра, изыскивая и закрепляя на месте происшествия возможные доказательства по делу. Колосов же к случившемуся с челноками, увы, равнодушен, а к славе коллег – ревнив. Как же, у транспортников красивое и громкое задержание дерзкой банды (тут Кате внезапно пришло на ум, что черная «девятка» бандитов как две капли, вероятно, похожа на колосовское приобретение), а у начальника отдела убийств повис на шее новый жернов, как выражаются в розыске, жмурик, о котором...

– Он с автобуса, что ли? Дежурный из Красноглинска звонил – я не въехал поначалу, сообщили только... – но тут Колосов запнулся. И Катя поняла: дежурный сказал ему по телефону что-то такое, о чем намеренно умолчали в разговоре с ней. *Нечто такое об этом трупе*, что заставило Колосова, даже малость «не въехавши в ситуацию», все разом бросить и помчаться сломя голову из Видного по раскаленной, забитой транспортом дороге сюда, на сорок седьмой километр.

Однако, поразмыслив, Катя решила не торопиться и, придав себе крайне степенный и загадочный вид очевидца (как-никак она оказалась тут раньше этого самоуверенного профи), начала обстоятельно рассказывать Колосову о предшествующих страшной находке событиях.

Никита (и это тоже было на него не похоже) на этот раз не спешил на место происшествия: он стоял, терпеливо слушая Катини сбивчивые: «а потом мне сказали... вещи... анаша в сумках... а потом челноки...»

– Так, ладно. Пропавший, сбежавший, сгинувший, канувший... пассажир... Ким? Так его сосед называл, говоришь, Катерина Сергевна? Корейское имя. Кореец, значит... Говорят, они собак на свадьбах едят, тех, что с синими языками, – чау-чау. – Колосов внезапно вскинул на Катю быстрый взор и тут же опустил глаза, а окончание этой нелогичной тирады вообще оказалось неожиданным: – *Ты туда не ходи*. Лучше посиди со своими телевизионщиками в холодильнике. *Нечего тебе там смотреть*.

И по тому, *как он это произнес*, Катя поняла: дело очень серьезное. Более того – дрянное дело. И легкомыслие тут уже не то что неуместно, а даже просто неприлично.

Но она не успела его ни о чем спросить: рядом затормозила старая, вся в пятнах коррозии прокурорская «Волга» – прибыл прокурор Красноглинска. И через минуту они с Колосовым уже спешили к оврагу, тихо, но горячо что-то на ходу обсуждая. Катя же осталась у машины.

Прошло минут пять. Сейчас, вспоминая в своем родном кабинете пресс-центра ВСЕ ЭТО, Катя думала о том, что в те мгновения в ней, видимо, сработал инстинкт самосохранения, предупреждавший ее: НЕ ДЕЛАЙ ЭТОГО. ОСТАНЬСЯ ЗДЕСЬ: ПОСЛЕ УЗНАЕШЬ ВСЕ С ЧУЖИХ СЛОВ, И ТАК БУДЕТ ЛЕГЧЕ, ПОТОМУ ЧТО ПРО ЭТО ЛУЧШЕ УСЛЫШАТЬ, ЧЕМ УВИДЕТЬ ВООЧИЮ. Увидеть... А еще она думала (а по спине полз, полз противный липкий холодок): СКОЛЬКО ЖЕ, ОКАЗЫВАЕТСЯ, КРОВИ В ЧЕЛОВЕКЕ... Целое море. Безбрежный красный океан.

Подъехала «Скорая». Видимо, кто-то из сотрудников милиции вызвал ее по рации через дежурного, и она только-только доползла из города. Обычно «Скорая» так безмолвно не прибывает – ни тебе сирены, ни синих мигалок. И вообще, она больше походила на похоронные дроги. Медбратья в синих комбинезонах медленно направились туда, куда и все, – к оврагу. И только тогда Катя двинулась за ними следом. Оглянулась, ища оператора – надо же, а он испарился. Наверное, давно уже на месте снимает, а я-то... Уснула, что ли, на ходу?

К горбату, покосившемуся от времени бетонному мосту через овраг можно было подойти по шоссе, однако, как с удивлением отметила Катя, все «официальные лица» – сыщики, судмедэксперт, прокурор, следователь и начальник отдела убийств и даже эти вот айболиты в синем – двинулись в обход: вниз по крутому склону, заросшему травой и кустами.

Загадка тут же прояснилась. На обочине в кустах дежурил один из оперативников.

– На мосту и шоссе криминалист работает, – пояснил он Кате. – Просил, чтобы там никто пока не бродил. Спускайтесь, если хотите, во-он там. Только осторожно – скользко и крапивы полно.

Катя поинтересовалась, отчего это на дороге ни одной машины. Оперативник буркнул, что на повороте перекрыли движение.

– А вообще-то здесь сейчас мало кто ездит. Мост совсем недавно починили, а то два года все крюк делали, – добавил он. – И вообще... Нечего им, посторонним то есть, пялиться тут. И так уж... Чем меньше про это паскудство в городе узнают, тем лучше.

Трава на склонах оврага была по пояс – влажная, несмотря на жару, сочная. Белые зонтики дудника качались, осыпая Катю душистой пылью, когда она раздвигала их руками. На сломанных стеблях выступал густой сок. От влаги, солнца, аромата цветущих трав у нее перехватывало дыхание. А потом она услышала глухое гудение, точно где-то внизу, в зарослях орешника и черемухи, работал маленький неутомимый мотор.

Мухи! Господи ты Боже мой, такое количество мух Катя видела впервые в жизни. Синие, черные, зеленые с металлическим отливом, крупные, точно слепни, сытые мухи – падальщики, трупоеды. А потом она увидела, а точнее, почувствовала и то, что их привлекло в таком количестве в этот овраг, эту вырытую в глине талыми водами гигантскую могильную яму.

На дне оврага, заросшем мхом и осокой, на этом изумрудно-зеленом фоне четко выделялись темно-багровые пятна. Точнее лужи: маленькая, побольше, еще побольше, еще...

В первые секунды Катя, щурясь (после слепящего солнца глаза плохо привыкали к тенистому сумраку), еще не могла различить, что это, но затем... Огромная лужа крови растекалась по траве. И к запаху зелени, черемухи, земли, глины, нагретой солнцем смолы на стволах уже примешивался тошный смрад, от которого подкашивались ноги, хотя так и подмывало бежать, бежать прочь без оглядки. Возле кровавых луж работали эксперт из местного ЭКО и один из оперативников, которому следователь, видимо, поручил помочь эксперту собрать образцы травы и почвы. Сейчас, сидя у себя в кабинете, Катя вспоминала их лица – бледные, напряженные, покрытые испариной. Никогда еще ей не доводилось видеть так явственно, как люди, собрав в кулак всю свою волю, пересиливают себя, чтобы не бросить все это – эти пропитанные черными вонючими сгустками клочки мха, катышки глины, которые нужно аккуратно упаковать и опечатать как вещдок... Горек хлеб милиционера, ох как горек! А порой он вообще не лезет в горло – застревает комом. Только водка и помогает или спирт... А судить легко тем, кто ничего этого не видел...

Но самое жуткое еще ожидало Катю впереди. Кровь – это было лишь начало. Катя увидела Колосова. Он, следователь, судмедэксперт в комбинезоне, прокурор – все были под мостом, где поперек оврага была уложена неизвестно для какой надобности (вроде для стока

вод, хотя они в нее и не попадали) огромная ржавая труба. Кровавый след на траве вел именно к ней.

Катя остановилась на склоне оврага. Туда, вниз, было нельзя, там работали ее коллеги. Колосов и все остальные осматривали нечто, только что извлеченное ими из трубы. И это нечто было полуголым человеческим телом. Только очень странным телом, в котором не хватало самого главного, отчего оно казалось каким-то чудовищным, неестественным обрубом, чем-то искусственным и несуразным.

Катя споткнулась о выступающий корень и судорожно ухватилась за куст. Черт, шиповник! Одурающе ароматный, усеянный восхитительными цветами – такому место в райском саду, а не в этой яме. Шипы впились в ладонь, но она даже не почувствовала боли, потому что...

У тела в траве не было головы. От плеч – пустота: багровая жуткая рана. Когда отчленили голову, кровь хлынула рекой и вытекла до капли.

Катя поймала себя на мысли, что ее лицо сейчас, наверное, такое же, как у тех двух – эксперта и опера: искаженное еле-еле сдерживаемым отвращением. Этот обезглавленный труп в луже крови просто ужасен. Он омерзителен.

Но она одернула себя: хватит. Прекрати это! Перед тобой изуродованное человеческое тело. И всего каких-то несколько часов назад его обладатель был жив и, быть может, прекрасен, как Аполлон. А теперь он действительно тлен и ужас, прах, предмет осмотра, работы твоих коллег и твоей, кстати говоря, тоже, потому что в этом овраге произошло нечто страшное – убийство и надругательство над человеческим существом. И не обезглавленный мертвец – чудовище, а те или тот, кто это сотворил с ним.

– Екатерина Сергеевна, про ЭТО пока никто не должен знать. Ни одна газета, ни один журнал. Очень на вас надеюсь, ну, да мы и в прошлом друг друга всегда понимали. Пока дело не прояснится – ни строчки для печати или телевидения, – это сказал начальник Красноглинского розыска Жаров. Катя и не заметила, как он подошел. Она торопливо кивнула.

– Конечно. Как скажете, Григорий Петрович. Но я могу сейчас хотя бы для себя послушать выводы патологоанатома?

– А он пока никаких выводов и не делает. До вскрытия все откладывает.

– А насчет времени совершения... когда все это... весь этот ужас...

– Давность – более пяти часов. Но его убили не здесь, Екатерина Сергеевна, – Жаров мрачно глядел на склон оврага. – Убили наверху на мосту. Видимо, он приехал с кем-то на машине. Потом труп перенесли сюда. Ну, и уже здесь...

Катя прикинула в уме: давность наступления смерти пять часов. Выходит, убивали ранним утром – около половины седьмого, спустя всего каких-то два часа после того, как не так далеко отсюда было совершено нападение на автобус с челноками, когда там уже была милиция и...

– Дежурный передал перечень того, что изъято при обыске у задержанных, – подойдя поближе, она услышала обрывок разговора следователя прокуратуры и прокурора. – Значит, у них при себе было два газовых пистолета типа «ПМ» калибра девять миллиметров, пистолет «ТТ», боеприпасы к нему, а также два неиспользованных газовых патрона, две мобильные радиостанции, две тротилловые шашки – их в багажнике обнаружили, четыре шерстяные маски и комплект полевой военной формы с капитанскими погонами. Но ничего такого, чем бы можно было...

– Нож, топор? Их не нашли? – Прокурор хмурился.

Следователь отрицательно покачал головой, заметил:

– Нелогично предположить, что они выбросили их, оставив все остальное оружие. В автобусе они стреляли, там мы гильзы нашли на полу.

Катя поняла: речь идет о задержанных из черной «девятки». Во время личного обыска у них *не найдено* никаких орудий, которыми можно было бы... Она вытянула шею, осматриваясь, стараясь одновременно не упустить ничего из разговоров, но и не мозолить глаза красноглинскому прокурору – он мог запросто отправить хоть и ведомственную, но все-таки прессу восвояси, чтобы не «мешала расследованию». К Никите сейчас тоже лучше было не соваться.

– Ну так. Можно заносить в протокол, – судмедэксперт разогнулся, потирая поясницу. – Наживу радикулит, как пить дать... Значит, что здесь у нас? У потерпевшего единственная колотая рана – ножевая, по всей видимости, в области сердца. Смерть наступила мгновенно. Били очень точно, профессионально, зная, куда надо бить. Второго удара даже не потребовалось. Далее: незначительные ссадины и кровоподтеки на спине, плечах и поясице образовались, видимо, вследствие последующего волочения тела. Примечательно, что перед операцией отчленения потерпевшего раздели до пояса. Скорей всего потому, что ворот куртки или рубашки мешал операции. Одежда на месте происшествия не обнаружена, так... Теперь шейный отдел... – Тут эксперт снова опустился на колени. – Все и здесь сработано опять-таки профессионально. Орудие, которым все это делали, специально приспособлено к такому роду операциям. Не могу категорически утверждать, что это хирургический инструмент. Но это что-то с острым, тяжелым и достаточно широким лезвием.

– Не топор, значит? – Катя услышала хриловатый голос Колосова.

– Не топор, Никита Михалыч, что-то иное. Поверьте, рубленую рану я как-нибудь да отличу. Далее идем: что еще можно сказать при первичном осмотре? Тело принадлежит лицу мужского пола. Возраст примерно 25–30 лет. Нормальное телосложение, средняя упитанность. На груди татуировка – обратите внимание какая. На правом предплечье шрам от прививки оспы в форме треугольника. Какие-либо иные шрамы либо следы хирургических вмешательств отсутствуют. Далее: ногти потерпевшего...

Катя слушала уже вполуха. Ее начинало тошнить от запаха крови. А потом все равно ей пока все это мало что говорило: взятое для исследования содержимое из-под ногтей потерпевшего, наслоение микрочастиц на его коже, одежде (остатках ее)...

Она заметила, что и Никита слушает эксперта тоже хоть и внимательно, однако... Он присел на корточки возле трупа, выбрав наиболее сухой, незамаранный кровью участок. Все его внимание сейчас было направлено на кроссовки на ногах убитого – фирменные, массивные, на очень толстой подошве, перепачканные желтой глиной. По левой подошве он даже легонько постучал. Катя подошла ближе.

– Славная обувка, а, Кать? Не находишь? – Катю всегда удивляла манера Колосова «общаться спиной», точно у него на затылке имелась запасная пара глаз.

– Кроссовки как кроссовки. Китайского производства скорей всего. У них клей слабый. Дешевка.

– Нет, клей тут не слабый. Хотя, сдается мне, для долгого ношения эти тапочки вроде и не приспособлены. – Колосов встал. – Надо бы сегодня все с этим парнем закончить, а? – Он вопросительно глянул на патологоанатома.

Тот в свою очередь покосился на прокурора и лишь обреченно и устало кивнул: эх, начальство, торопите все со вскрытием, а работы и так невпроворот...

– Мы, с вашего позволения, поприсутствуем, – сказал ему прокурор. – Во сколько думаете начинать вскрытие?

Катя близко наклонилась к Колосову. Хотя она немного попривыкла, однако зловоние, витавшее в овраге, до сих пор вызывало у нее в горле спазмы, и голос ее охрип:

– Никита, ты думаешь, это тот челнок с автобуса? – спросила она.

Колосов точно зачарованный не сводил взгляда с кроссовок убитого.

– У него на груди татуировка – пион. Потом кожный пигмент какой, обрати внимание. А потом... Хотя ничего пока и не говорит прямо, что это и есть тот пропавший так загадочно тип. Но ничего не говорит и об обратном... Словом, я эти кроссовки сначала хочу посмотреть. А в сумках анаша, говоришь, была?

Катя смотрела на него с недоумением. Ей показалось, что Никита, видимо, и вправду пережарился на солнце, ибо, как и в случае с байками о поедании собак на корейской свадьбе, несет уж какую-то явную окоlesiцу. Но...

Глава 3 ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ...

За окном стремительно наступал вечер, не принося с собой, однако, особой прохлады. Катя все сидела одна-одинешенька в душном кабинете, уставясь на выключенную пишущую машинку.

В половине девятого вечера за ней на Никитский должен был заехать Вадим Кравченко, а далее их путь лежал в Шереметьево-2, где в половине первого ночи они должны были встретить Сергея Мещерского, наконец-то вернувшегося из... Это жуткое Сerezкино путешествие в Индонезию едва не довело Катю до сердечного приступа. Турфирма «Столичный географический клуб», одним из многочисленных совладельцев которой и состоял Мещерский, как всегда, переживала тяжелые времена (а когда они были легкими для этих чокнутых «географов»?).

Организовав с грехом пополам две поездки на Тибет, фирма понесла катастрофические убытки: горе-путешественники растеряли большую часть горного снаряжения и угробили две из четырех взятых напрокат машин, за которые пришлось платить полную стоимость.

Увы, несмотря на все превратности судьбы, Мещерский и его компаньоны-«географы» продолжали практиковать нетрадиционный спортивный туризм, а на него находилось не так уж и много охотников. Дайвинг, сплав по горным рекам, ночевки в палатках у костра в джунглях, полных малярийных комаров и ядовитых многоножек, привлекали своей походной романтикой лишь немногих сильных духом. Но у таких (оголтелых, как выражался Кравченко) туристов-подвижников денег особых не водилось. И поэтому «Столичному географическому клубу» приходилось максимально снижать цены на туры, что, естественно, не способствовало росту его доходов.

Новое сумасбродство – велопробег через пустынные районы Туниса – тоже особого барыша не принес. Все в основном потратили на оплату «авиадоктора» – одному из путешествующих среди раскаленных солнцем барханов стало так худо, что его пришлось срочно эвакуировать самолетом в местный госпиталь, а это не входило в медицинскую страховку.

В этом году, тщетно пытаясь удержаться на плаву в острой конкурентной борьбе, «географы» несколько дрогнули. Мещерский и его компаньоны начали-таки работать с нормальными, посещаемыми обычными туристами курортами. В планах осени-зимы стояли традиционный Таиланд и Гавайи, но... Мещерского понесло еще дальше: остров Бали – тропический рай! Впрочем, и тут «географам», как всегда, не повезло.

Как раз, когда Мещерский и двое сотрудников «клуба» отправились в Джакарту налаживать контакты с принимающей индонезийской стороной, там начались уличные беспорядки, быстро перешедшие в настоящие побоища и погромы. Полторы ужасных недели от Сerezки не было никаких известий. Катя вся извелась. Вадим Кравченко – а Мещерский был его самым близким и давним другом – хотя внешне держался спокойно и старался вдолбить испуганной Кате, что «все будет хорошо», тоже сильно переживал. Он развил бурную деятельность, пройдясь по всем своим прежним связям, сохранившимся с той поры, когда он еще работал на Лубянке (где, впрочем, давно уже сменились и вывеска, и состав сотрудников), откопал телефоны всех своих однокашников по Университету имени Лумумбы, который они с Мещерским заканчивали, поставил на уши всех, кого мог, всех работавших на дальневосточном направлении сотрудников фирм, посольств, торговых представителей, советников, дипломатов. Но однокашники лишь руками разводили: «Вадя, дорогой, пойми, и нам жаль Серегу, но где Джакарта и где мы? Как мы можем вытащить его оттуда?» Звонили в наше консульство в Джакарте (находившееся, как и все посольства, на осадном положении) и в представительство Аэрофлота, но нигде и никто о Мещерском и его сотоварищах ничего не знал.

Катя с ужасом слушала каждый вечер новости о происходящем в Индонезии и жарко молилась Богу, чтобы все гражданские битвы, войны на этих далеких тропических островах миновали дурака безмозглого Сережку Мещерского, чтобы он вернулся... Дважды они с Кравченко ездили в Шереметьево встречать самолет – сначала аэрофлотовский, затем МЧС, но сотрудников «географического клуба» на них не оказывалось.

И вот, когда и зареванной Кате, и пытавшемуся сохранить присутствие духа Вадиму уже начинало казаться, что дело действительно – труба, Мещерский наконец объявился, при том целехонек! Позвонил по телефону, особо не распространялся, сообщил, что в Джакарте в аэропорту в эти дни творилось Бог знает что – европейцы спешно бежали, страхась погромов и убийств, билетов было, естественно, не достать, и тогда, по словам Мещерского, они с ребятами – «тут к нам еще одна группа наших присоединилась» – решили «морем уходить в Сингапур».

Это очень было похоже на Миклухо-Маклая, как звал Мещерского Вадим: морем! Да не куда-нибудь, а в Сингапур! Бананово-лимонный...

Катя не знала, что ей делать: плакать, злиться или смеяться. Она все представляла себе маленькую, хрупкую фигурку Сергея за штурвалом... На чем это они уходили – то бишь драпали? Это мог быть и катер, и яхта, и ржавая баржа, и китайская джонка, и даже утлый бамбуковый плот. Впервые она тогда подумала (со странной ноткой сожаления): «А хорошо, что я все-таки вышла замуж не за Сережку, а за драгоценного В. А.».

Малый рост Сергея Мещерского компенсировался плававшей в его душе неукротимой жаждой, как говаривали хоббиты, «страшных опасностей и ужасных приключений», и эта жажда толкала Мещерского в такие уголки, о которых прежде простой советский человек слышал только от Юрия Сенкевича. И мужем, конечно, такой бродяга был бы не очень... Каким? Катя не понимала лишь одного – откуда тогда эта нотка сожаления в ее размышлениях? Ведь что сделано – то сделано.

В Сингапуре Мещерский провел еще семь дней в ожидании аэрофлотовского рейса, и вот наконец-то в половине первого ночи...

Катя подошла к окну: Бог мой, какой сегодня длинный день! Как началось с утра с этими челноками, потом этот кровавый ужас в овраге... Дело, которое на первый взгляд было уже закончено громким задержанием дорожных бандитов, на самом-то деле только начиналось. И как начиналось! Кто убил этого несчастного, изуродовав его таким жутким способом? Зачем труп отчленили голову? Самый простой вывод вроде бы напрашивался сразу: чтобы затруднить его опознание. Тогда получается, что личность убитого каким-то образом выводит на его убийцу. Так, что ли? И тогда получается, что...

Но отчего Никита так необычно себя вел? Примчался... хотя что ж тут удивительного, ему по инструкции полагается как начальнику отдела по раскрытию убийств лично выезжать на подобные ЧП, и все же... И с прокурором они все о чем-то шептались, и вообще складывается такое впечатление, что... что Никита либо ожидал чего-то в этом роде, либо... Быть может, у этой истории уже было начало, и совсем иное?

Но тут Катя оборвала себя: что толку гадать попусту? Завтра она постарается подлизаться к Никите и, возможно, кое-что разузнает. Возможно... Это смотря какое у начальника отдела убийств будет настроение. К тому же освещать это преступление в прессе ей пока строго-настрого запрещено. Оно и понятно: пока преступник-чудовище не найден, нечего распускать по области жуткие слухи о новом маньяке. А найдут ли его еще, нет ли – вилами на воде писано, так что...

Но если учесть, что по части сенсационных материалов сейчас полный ноль, а сводки полны лишь банальнейшей бытовухой и писать абсолютно не о чем, то на перспективу такое загадочное и страшное происшествие стоит взять на заметку и раскрутить и...

Тут Катя взглянула на часы: так и есть, уже опаздывает! Интересно, а закончилось ли вскрытие в красноглинном морге и что нового сказал об убитом патологоанатоме? И главное: можно ли отождествить пропавшего из автобуса корейца-наркокурьера с теми изуродованными останками? «Я видела тело собственными глазами, – думала она. – Но принадлежат ли эти останки именно корейцу? Колосов что-то говорил о татуировке-пионе, а я даже и не заметила никакой татуировки. Тряслась как лист осинового от страха – где уж тут замечать? Ладно, будет новый день, возможно, что-то и с этим делом прояснится, а сегодня вечером...» Катя снова глянула на часы и засуетилась.

Конечно, она могла преспокойно уйти с работы вовремя и дожидаться поездки в аэропорт дома, но с некоторых пор, точнее, с начала чемпионата мира по футболу дома Кате находиться стало совершенно невозможно. Кравченко не отлипал от телевизора, когда не дежурил, охраняя драгоценную персону своего традиционного работодателя Василия Чугунова, в просторечии среди охраны, близких и друзей именуемого не иначе как Чучело. На кухне, в комнате грохотало, выло, свистело, дудело, било в барабаны и литавры, что-то скандировало футбольное племя. Когда же Кравченко заступал на суточное дежурство, все пропущенные матчи записывались на видео, а после прокручивались бесчисленное количество раз, так что у Кати начинало мельтешить в голове от пятнистых мячей, футболок, бутс и победных или разочарованных (смотря по обстоятельствам) воплей Кравченко.

Нельзя сказать, чтобы Катя совсем не любила футбол. Любила! Свой первый чемпионат смотрела еще будучи школьницей – тогда чемпионами стали итальянцы, за которых она впоследствии болела всегда. Она даже втайне гордилась своими познаниями: невежа Кравченко с трудом вспоминал фамилии футболистов, забивших золотые голы, его интересовала лишь жесткая игра англичан да драки болельщиков, а она, Катя, знала прежних мировых звезд – Платини, Росси, Маттеуса, Бухвальда, Марадону, Руммениге даже по номерам. А в Дино Зоффа – божественного вратаря итальянского «Ювентуса» даже была влюблена по уши в выпускном классе. Но она любила футбол тихо и восторженно, более обращая внимание на симпатичных футболистов, выискивая себе очередной идеал наподобие Зоффа. А драгоценный В. А. просто пугал ее разгулом первобытных инстинктов, которые выплескивались из него во время трансляций из Парижа. Драгоценный В. А. вообще был грубиян, а еще лентяй, лодырь и... Но они были вместе уже столько лет, что порой он представлялся Кате чем-то вроде ее второго «я». Это была ее вторая ипостась – шумная и громоздкая, однако такая родная, что лишиться ее означало, наверное, перестать жить. Кравченко ждал ее в машине у Зоологического музея, напротив здания ГУВД, сияющий и довольный. Она объяснила его радость тем, что его закадычный друг возвращался из дальних странствий. Но нет – причина отличного настроения Кравченко была совсем иной: в матче Англия – Тунис выиграли англичане. По дороге он долго мучил ее подробностями игры и потасовок на трибунах. У Кати от его повествований уже трещала голова.

Шереметьево даже ночью напоминало растревоженный муравейник. Внизу, в зале прилета рейс «Су-318» из Сингапура встречала такая толпа – что не протиснуться: родственники беженцев из Джакарты, носильщики-калымщики, шоферюги-извозчики, на ножах конкурирующие с таксистами. Мещерского первым увидел Кравченко.

– Извините, пардон, простите, экскьюз ми, скузи бэлла грацца... Не толкайтесь, а то ногу отдамлю, женщина, да не кричите вы, так он же вернулся! А ты вообще не возникай. – Кравченко, крепко держа Катю за локоть, точно ледокол, грудью прорезал толпу. – Серега, мы тут! Двигай по зеленому коридору! Ребята, таможня родная наша, этого пропустите вне очереди, это беженец, изгой режима, дорогу, дайте дорогу беженцу!

Мещерский, немного обалдевший от долгого перелета, пережитых злоключений, шума и суеты аэропорта, похудевший и осунувшийся от невзгод во время «бегства в Сингапур»,

но сияющий и смущенный (Катя успела его чмокнуть в щеки, лоб, нос, наверное, уже раз тридцать, тихо визжа при этом от радости), степенно протянул приятелю руку.

– Ну, здравствуй... Катюш, да я...

Кравченко сгреб в охапку его хрупкую фигурку, приподнял.

Уже на полпути к машине Катя вспомнила про багаж.

– Эх, Катенька, какой там багаж... Чемодан в отеле еще в Джакарте бросил. Взял что в карманах можно унести – документы, деньги. – Мещерский махнул рукой.

По дороге домой (Кравченко настоял, чтобы приятель переночевал у них на Фрунзенской набережной) Катя с замиранием сердца слушала сагу Мещерского о пережитом: о погромах и пожарах в Джакарте, об убийствах китайских торговцев, разорванных разъяренной толпой, о нападениях на европейских туристов. Все это происходило так далеко, в чужой стране, и странно даже было, что многие из этих ужасов Сережка видел собственными глазами.

– Что там с китайцами творили – прямо средневековье, – рассказывал Мещерский. – Подожгли китайские кварталы – весь центр Джакарты. Многие заживо сгорели. А тем, кто спасался... Мы, когда из города на побережье пытались выехать, видели... Ну, словом, трупы обезглавленные...

– Обезглавленные? – Катя вздрогнула.

– Ну да. Ужас, конечно. Там у них и религиозный антагонизм, и... – Мещерский поморщился. – Во Вторую мировую в Шанхае японцы устраивали соревнования, кто из офицеров больше обезглавит пленных китайских солдат самурайским мечом. Причем с одного удара... Катя, ты что на меня так смотришь?

– Н-ничего, – она отвернулась, – правда ничего. Так. Я жутко рада, что ты вернулся. Больше мы тебя никуда не пустим.

Мещерский только вздохнул. А Кравченко подмигнул ему в водительское зеркальце и начал рассказывать... О Боже, снова про свой футбол!

Глава 4 КРОССОВКИ С СЮРПРИЗОМ

Слишком много крови в человеке – мысль эта посетила в тот вечер Никиту Колосова, когда он стоял у анатомического стола в обветшалом морге клинической больницы города Красноглинска. В этом здании в стародавние дореволюционные времена помещалась богадельня, которую содержал и патронировал монастырь святого Феодора Стратилата – некогда городская достопримечательность, богатый и красивый, затем разоренный, загаженный, спаленный революцией и гражданской войной, но снова через столько лет восстанавливаемый из праха и пепла горсткой монахов-подвижников, от бедности, тяжких трудов и вечного поста более похожих (как казалось Колосову) не на воинов Христовых, каким был их патрон Феодор, а на бледные тени.

Это мертвое препарируемое тело тоже стало словно бы *бесплотным*: потеряло всю кровь, впитавшуюся в мох, траву и глину оврага у деревни Кошеевка. Однако группу крови потерпевшего определили довольно быстро. Патологоанатом провел и гистологическое исследование содержимого желудка – последний раз потерпевший принимал пищу более суток назад. Это уже вполне вписывалось в версию о том, что убитый – возможно, пассажир того самого автобуса. Ведь челноки обычно в дороге питаются весьма скудно и нерегулярно.

Патологоанатом внимательно осматривал и весьма изощренную татуировку на груди убитого. Отметил, что давность «изделия» – года три-четыре. Работа очень качественная – делал мастер своего дела. «Словно на дорогой китайской вазе картинка, – отметил патологоанатом и, явно желая щегольнуть своими познаниями, добавил: – Среди китайских эротических символов пион означает женское естество. Точнее, саму его суть, матку».

Колосов усмехнулся про себя: поди ты, какой энциклопедист. И это над мертвым-то телом... Его же самого во время патологоанатомического исследования точно магнит притягивали аккуратно сложенные экспертом на боковом столике вещи потерпевшего: кожаный ремень, разрезанные ножницами брюки и кроссовки.

Именно от кроссовок начальник отдела убийств все никак не мог отвести глаз. Эксперт тем временем в который уж раз осмотрел рану на груди убитого. Его первоначальный вывод о причине смерти полностью подтвердился: пробита грудина, сердечная сумка, сердце. Смерть наступила мгновенно. Это повреждение, в отличие от повреждения шеи, причинено ударом колюще-режущего предмета – ножа с клинком длиной свыше пятнадцати сантиметров, направленным сверху вниз с большой силой.

– А потерпевший сидел или стоял в момент удара? – спросил Колосов как бы между прочим.

– Стоял. В сидячем положении направление раневого канала было бы... Хотя я сказал – сверху вниз... Но видите ли, потерпевший невысокого роста – 165 сантиметров всего. Убийца мог быть значительно выше и... – Эксперт, как дипломат, никогда не скажет прямо того, в чем не уверен: как хочешь, так и понимай.

– Можно предположить, что убитый по национальности – кореец? – спросил прокурор.

– Данные внешнего строения тела дают основание это предполагать, но... Основное доказательство, как видите, отсутствует. – Эксперт указал глазами на обрубок шеи трупа. – По виду – типичный монголоид. Но может быть и казахом, и киргизом...

– Киргизы, слава Богу, у нас в районе не пропадали, – откликнулся следователь Андреев. Хотя расследованием убийства уже занималась Красноглинская прокуратура, он после допросов челноков тоже приехал на вскрытие. Дело о разбойном нападении на автобус было в его производстве. И если все же окажется, что убитый – пассажир автобуса, то...

– На шмотки его не хочешь взглянуть? – тихо шепнул Андрееву Колосов.

– Прямо тут, что ли? Я их в отдел заберу и там уж...

– Кроссовочки любопытные, а? – Колосов, словно не слыша возражений, в который уж раз повторил с восхищением: – Редкая обувка. Давай-ка тут все и осмотрим, Леша, не отходя от кассы. Я сейчас нянечек в понятые приглашу. Ты только, Бога ради, без меня эти лапоточки не трожь.

Через минуту под скорбными, осуждающими взглядами понятых-нянечек Колосов и Андреев приступили к осмотру вещей потерпевшего.

Несмотря на то что влекли его к себе в основном кроссовки, начальник отдела убийств оставил их напоследок, начав осмотр не с них. На брюках, разрезанных ножницами эксперта, имелось множество кровавых пятен. Брюки и ремень запаковали в целлофан. Это были исходные образцы для криминалистического исследования микрочастиц. Авось что и перепадет любопытное о том, с кем у обезглавленного был так называемый «конечный контакт».

Кроссовки, пыльные, черно-белые, массивные, на скрипучих липучках, Колосов сначала просто бездумно как-то повертел в руках, простучал рифленую подошву с цифрой 42. А затем вдруг извлек из заднего кармана брюк складной нож. Следователь Андреев иронически поднял брови, покосившись на эту полуразрешенную к ношению в качестве холодного оружия финку и на эффектную кобуру телячьей кожи, которая адски мешала начальнику отдела убийств в этот знойный день, – сыщики ж! Они без этого самого не могут. Оружие, кобура, автоматическое зарядное устройство, мобильный телефон на поясе – все эти хитрые штучки половина имиджа. Это трудяга-следователь – бумажная крыса, юридический клерк, у него таких игрушек не водится. У него лишь дело под мышкой да старая шариковая ручка. А у угро по части всех этих профессиональных придамбасов... Но Андреев не успел додумать свою ехидную мысль.

– Никита, ты что делаешь? Это же вещдок!

– Спокойствие... только спокойствие. Понятые, красавицы мои, хорошо ли вам видно? – Колосов, поддев ножом сопревшую от ножного пота стельку в правой кроссовке, с треском рванул ее вверх и...

– Какие такие сокровища хранятся в наших калошах? Вот какие. – Он извлек плоский, туго набитый пластиковый пакетик, полный белого порошка. – И без экспертизы скажу, Леша, что это вряд ли поваренная соль.

– Черт, героин! Граммов двести, а то и все триста. – Андреев присвистнул. – Тайник.

Второй точно такой же увесистый пакетик был извлечен и из левой кроссовки.

– Наркокурьер. Выходит, тот самый. И сумка с анашой, значит, его. – Андреев уже брезгливо смотрел на обезглавленный труп. – Саранча поганая. Потому-то он и рванул с автобуса во время той заварушки... Ему, такому упакованному, встреча с милицией ни к чему. Да против этого богатства в подметках сумки с анашой-то ему – тьфу, мелочевка... А может, было все по-другому: эти наши отморозки с «девятки» знали, что в автобусе упакованный под завязку курьер. Ну, и уволокли его с собой как трофей, а потом уж...

– Секир башка, а героин бросили? – Колосов снова хмыкнул. – Не мы одни с тобой, Леша, умные. Если бы специально встречали курьера, знали бы и где главный товар искать. Кроссовки... да ты только посмотри на них. Тебе ничего не бросается в глаза? Это ж видно – нестандарт, платформа как у первокурсницы.

– Но у него могли быть пакеты и в куртке. Его же раздели до пояса... – Андреев не спорил – просто размышлял. – Они могли взять их и удовольствоваться...

– Но *все наши прежние не были наркокурьерами*, – тихо сказал Колосов. – И тебе это отлично известно: из следственного управления тебе разве не звонили, не информировали еще?

– Но это может быть и простое совпадение.

– Это? – Колосов смотрел на кровавый обрубок шеи трупа. – Игра в гильотину? Это, Леша, только у жаб в сказках в голове – бесценный брильянт, а у наших *безголовиков*...

Андреев выпятил подбородок: жест одновременно означал у него и «да», и «нет», и «ну ты даешь», и «сомневаюсь», однако дискутировать прекратил.

Из морга напрямиком направились в Красноглинский отдел милиции, где в следственном изоляторе все еще ожидали первого допроса задержанные «девяточники». Перед его началом Колосов провел с начальником местного розыска Григорием Жаровым (его сотрудники с самого утра прощупывали задержанных в частных беседах, именуемых «опросами подозреваемых») короткое, однако весьма полезное совещание, чтобы уяснить себе, кто есть кто в пойманной банде.

– Трое из них – наши местные. Уже проверили: все из Железнодорожного поселка, что у аэропорта, – рассказывал Жаров. – Машина принадлежит Васильченко Геннадию. Судя по всему, именно он у них и за шофера. Остальные: Говоров Иван, Говоров Константин – братья-разбойники. Один охранник магазина «Автозапчасти» в Быкове, второй, младший, безработный уклонист.

– От армии бегают? Давно? – спросил Колосов.

– Третий год. С Чечни.

– А проживал все время по месту прописки? В Железнодорожном?

Начальник Красноглинского розыска хмуро кивнул.

– К нам военкомат по поводу него не обращался. У меня, Никита Михалыч, и без этих бегунков забот выше...

Колосов махнул рукой – полная тишина, ша, как говаривал Шукшин. Не мне тебе, дорогой товарищ Жаров, читать моралитэ. Вышестоящие товарищи на это найдутся. Прочтут – будь спокоен.

– А четвертый кто?

– Четвертого ихнего ты, Никита Михалыч, должен знать и помнить. Это Круглый Павлик.

– Круглый? Свайкин? Да неужели? – Колосов подался вперед. – Точно?

– Его физиономию мы еще не позабыли. Надо же... мало ему прошлого, подонку такому! Торжествовал тогда над нами, сукин кот.

Этого самого Круглого Павлика знали в Красноглинском отделе милиции: с ним было связано одно из самых больших поражений местных стражей порядка в борьбе с провинциальным криминалитетом. Круглый – трижды судимый за хулиганство и грабеж Павел Владимирович Свайкин одна тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения, два года назад таким же вот жарким июнем убил человека – Джафирова Вартана, державшего на привокзальном рынке Красноглинска палатку турецкой кожгалантереи.

Об этом убийстве, хоть и произошло оно среди бела дня на глазах всего рынка – Вартан получил три удара ножом в живот, – никто из свидетелей-торговцев говорить не хотел. Однако, согласно обильной негласной информации, полученной Жаровым и его сотрудниками, Вартан и Круглый поспорили из-за места под солнцем. Информация причисляла последнего к сборщикам дани для...

Увы, все негласные слухи так и остались слухами. Переложить их на протокол в качестве правдивых и четких свидетельских показаний тогда так и не удалось. Как Круглый Павлик резал Вартана, видел весь рынок, но, когда приехала милиция, все в один голос твердили: ничего не видели, ничего не знаем. В довершение всего, с места происшествия каким-то загадочным образом пропало и главное доказательство – нож. В результате кое-как слепенное на косвенных «доках» дело против Свайкина начало трещать по всем швам уже на стадии предварительного расследования. И в конце концов обескураженный суд присяжных (а

в Красноглинске, как и в ряде районов области, проводился подобный эксперимент) оправдал Круглого Павлика за «недостаточностью доказательств его вины».

Прокуратура, красноглинские сыщики и сам Колосов остро переживали это постыдное фиаско, ибо на каждом оперативном совещании им припоминали этот злосчастный факт как вопиющий пример из рук вон плохой работы по раскрытию, расследованию, а главное, по сбору доказательств вины подозреваемого, взятого под стражу.

Из здания суда Круглый Павлик (кличку свою он получил за круглую, как бильярдный шар, обритую под ноль голову, увенчанную, словно локаторами, парой крупных, розовых, дурно мытых ушей) вышел с высоко поднятой головой и на какое-то время исчез из поля зрения милиции. Но вот, как оказалось, год свободы не был потрачен им впустую: Круглый успел сколотить мобильную банду и как мог улучшал на подмосковных дорогах свое материальное положение.

– Мы их по всем аналогичным эпизодам в области начинаем проверять, – хмуро продолжал Жаров. – Не только у нас были такие факты нападений на водителей-транзитников, но и на Симферопольском, на Каширском шоссе. Будем их теперь по всем датам гонять. А ты с кем из них, Никита Михалыч, толковать будешь по своему профилю? – Он выделил последнее слово особо: Колосову известно, что нужно от этих отмороzków. Круглый же, если учитывать его прошлое и новоприобретенную от безнаказанности наглость, вполне способен и на «профиль», интересующий сейчас начальника отдела убийств. – Учти: Васильченко – сопляк, с семьдесят седьмого года он, недоросток еще. А Ваня Говоров – на игле давно и крепко. Зрачки – с булавочную головку.

– С Ваней пусть Андреев потолкует, а я... я бы с Павликом сейчас прокатился. – Колосов недобро прищурился. – Под Котовского он челку все еще носит, нет?

– Лысины стыдится. – Жаров потер начинающую редеть макушку. – Это я вот все хочу тоже, да... Будут в городе языками трепать, что начальник розыска под бандюгу стилизуется.

– Не будут трепать, – Никита усмехнулся. – Человека по делам ценят. Побольше добрых дел, Григорий Петрович, и никаких сплетен, все зачтется. Ладно, пусть Свайкина мне покажут во всей его красе, я вниз пошел, в изолятор.

Жаров неодобрительно смотрел вслед начальству из главка: легко ему, Никите, – приехал, уехал, орел ты наш управленческий. А тут сидишь, словно приклеенный к земле, и еще это чертово убийство в Кошечевке... Как говорится: Бог дал, Бог взял. Дал успешное раскрытие серии разбойных нападений на дорогах, дал поимку вооруженной банды, а взял...

Жаров подошел к окну. Главное – не дергаться, не гнать сейчас волну. Даже если это МАНЬЯК – никто пока не должен о нем знать из посторонних. Только диких слухов в районе не хватало. Впрочем, подумал он тоскливо, соседи в Чудинове как ни скрывали *тех вьетнамцев безголовых*, а тухлый слушок там уже пополз об этом происшествии... Господи, что же это такое? Неужели это наш Круглый Павлик такое вытворяет? Нет, это было бы слишком уж просто. А в оперативной работе просто либо не бывает, либо...

Жаров снова потер макушку. Действительно, с поимкой Круглого и его компании НИЧЕГО ЕЩЕ НЕ КОНЧИЛОСЬ. ВСЕ ЛИШЬ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ...

Глава 5 «Я НЕ УБИВАЛ!»

Беседовать с гражданином Свайкиным по своему профилю Колосову не то чтобы не терпелось, а... Ему просто хотелось взглянуть на Круглого Павлика, снова увидеть эти наглые гляделки, которые год назад после оглашения приговора в суде светились таким торжеством и злорадством. Не то чтобы начальником отдела убийств сейчас двигало низменное чувство мести и не меньшего злорадства, но... Лицезреть Круглого Павлика на тюремных нарах было чертовски приятно! Хотя одно положительное впечатление за эти сумасшедшие сутки.

А насчет трупа в кощеевском овраге... В глубине души Колосов сильно сомневался в том, что обезглавливание – новое хобби гражданина Свайкина со товарищи. И для таких сомнений имелись весьма веские основания. Однако кой-какие важные подробности происшедшего в «Икарусе» Свайкин и его подельники все же могли сообщить. Если бы, конечно, захотели. Но Колосов был готов спорить на что угодно, что Круглый Павлик, снова угнездившийся на параше, ни видется, ни тем более откровенничать со своими взявшими наконец верх недоброжелателями в форме категорически не желает.

И все-таки...

В ИВС (изоляторе временного содержания) Красноглинского ОВД, если можно так выразиться, царило торжественно-приподнятое настроение. Колосов отметил, что лица дежурных охранников были исполнены важности. Поимка вооруженной банды вызвала нешуточный ажиотаж даже за этими толстыми бетонными стенами. Все суетились: по коридору то и дело конвой проводил *аборигенов* – задержанных ранее нарушителей правопорядка, перемещая их в другие камеры, *уплотняя*. Для Круглого и его свиты освобождались места. Всю четверку надо было рассредоточить по отдельным камерам, дабы они ни под каким видом не могли общаться друг с другом.

Мимо Колосова провели дремучую личность, более похожую на отпрыска снежного человека, чем на подследственного или подозреваемого. Существо несло под мышкой скаманный матрац весь в желтых пятнах с подозрительным запахом. Как пояснил Колосову начальник дежурной смены, это была главная достопримечательность изолятора – Юра Юродивый. Бомж, самолично избравший себе тюрьму в качестве жилища. Его постоянно задерживали за хулиганские действия, грубо нарушающие общественный порядок и отличающиеся особым цинизмом, как-то: отправление естественных надобностей в публичных местах – на площади перед зданием городской администрации, у подъезда местной прокуратуры и «в знак сидячего протеста» у дверей городского суда и управления жилищно-коммунального хозяйства. По его собственным признаниям, Юра совершал все эти циничные поступки «западло», дабы его снова и снова забирали в милицию, предоставляя «на халяву» кров и стол. Однако, уже будучи «на тюрьме», Юра Юродивый наотрез отказывался мыться, стричься и в результате благоухал так, что рядом с ним в камере редко кто выдерживал больше суток.

– Круглого, голубя, сейчас с этим и поместим, – плотоядно усмехнулся начальник дежурной смены. – Пусть они, сизокрылые, друг на дружку любуются.

Этот мелкий садизм был, видимо, лишь началом тех неудобств житейского плана, кои ожидали Круглого Павлика в стане его заклятых врагов. И Колосов решил поспешать с беседой, пока Круглый, узрев своего вонючего сокамерника, не озлобился и не замкнулся.

Когда конвой ввел Свайкина в следственный кабинет изолятора, Павлик с тоской оглядел выкрашенные серой масляной краской стены и крохотное зарешеченное оконце, а потом сел на привинченный табурет и обхватил бритую голову руками. Колосов минуты две молча созерцал его розовую макушку, а потом заметил как бы между делом:

– Ну, это еще не самое плохое место, Паша. Отнюдь. Будут у тебя места и похуже. Как пить дать.

Свайкин не шевелился, напрочь игнорируя собеседника, которого, кстати, распрекрасно узнал. Как же, тот самый мент, который тогда, два года назад, когда все так плохо начиналось и так благополучно кончилось в суде, на нескольких вот таких же беседах ядовито отравлял ему, Свайкину, уже начинавшую помаленьку налаживаться жизнь.

И тогда, и это Круглый Павлик тоже распрекрасно помнил, мент своего добился... Словом, с глазу на глаз с ним в кабинете Свайкин сознался в убийстве палаточника. Его тогда, правда, несколько успокаивала мысль, что постыдная уступка этому легавому – всего лишь слова, слова, слова. Как говорят бывалые люди – пустая мурзилка.

– «Вышку» и на этот раз по нашей гуманности ты, конечно, навряд ли получишь, Паша, врать и пугать тебя не стану, но... – продолжил Колосов задушевым тоном. – Но насчет пожизненного... Или, на худой конец, четвертак...

Свайкин дернулся, словно его ужалили, и впился в мента яростным взглядом: Колосов грустно усмехался, словно жалея его, пропащего, а сам думал – вот сейчас Павлик лихо-радочно кумекает, о каких же еще налетах (помимо красноглинского разбоя) может быть известно оперативникам. За ними много, много всего – по гляделкам его бегающим это ясно, но вот насчет убийств...

– Прошлый раз все тебе гладко сошло с рук, Паша. Легким испугом отделался. И обнаглел. Ой как обнаглел, парень. – Колосов скорбно пригорюнился. – Но ты думаешь, *то твое* *прежнее забылось*? Пусть не доказали тебе, но разве такое мы забываем, Паша? И теперь вот, ежели приплюсовать в совокупности – ну понимаешь, не маленький: один пишем, три в уме – все это твое прошлое и нынешнее, то получается... «Вышка» бы получилась, дорогуша. Но так как сейчас у нас на дворе гуманность, то...

– Ты *что* от меня хочешь? – хрипло спросил Свайкин. – Ты... ты зачем меня вызвал, а? Чего тебе опять от меня надо?!

– Чего тебе надобно, золотая рыбка... А ты догадайся. Видишь, мы и беседу-то с тобой начали, как добрые старые корешки, словно и расстались-то всего полчаса назад... Ты догадайся, Паша, зачем я тебя вызвал. Должность мою ты, наверное, не забыл?

– Помню я вас... и должность вашу... твою по-мню. – Круглый Павлик скорчил презрительную, недоуменную гримасу. – Клевету поносную на меня возводили, дело фабриковали.

– Правду тебе говорил. А ты, помнится, после легких капризов тоже правду мне начал говорить, в отличие от того, что на суде потом лепетал. Но это дело прошлое. Не Варган, царствие ему небесное, меня сейчас интересует, не пальба ваша в «Икарусе» и все прочие ваши похождения на Каширском и Симферопольском шоссе... – По тому, как дрогнули веки Свайкина, Колосов смекнул, что уж хоть с одним-то разбойным эпизодом он сейчас явно попал в яблочко: и правда, гонять надо транспортникам этих ханыг по всем фактам нераскрытых грабежей на подмосковных дорогах. – Про дорожные ваши безобразия, Паша, с тобой другие толковать будут и не раз. А со мной ты сейчас потолкуешь о том, за что тебе и твоим друзьям, к моему великому сожалению, «вышку» не дадут, заменив ее пожизненным...

– Да я никого не убивал, матерью клянусь! – Это было выпалено без запятых и пауз на одном дыхании. – Что я, слепой, куда бью, не вижу, что ли? Водила за руку схватился, я ж видел, визжал только, как заяц перепуганный. Я что, не знал, что ли, куда стрельнул? Да я и не хотел, они сами начали... – Круглый осекся, поздно осознав, что с головой полез в ловушку. Черт, ведь он был там в автобусе в маске, ни одна собака б его не узнала среди подельников! Никто б не доказал, что именно в его руке и был пистолет «ТТ» – единственная настоящая пушка, из которой и ранили навывлет водителя автобуса. А сейчас он сам по своей же глупости признался, что...

– Шофера ты только ранил, Паша, – перебил его Колосов. – А вот *пассажира вы убили*. Зверски.

Круглый вытаращился. Однако усилием воли подавил душившие его гнев, досаду и страх и прошипел:

– Какого это еще пассажира, начальник?

– А корейца-то. – Колосов печально наклонил голову, словно это уже было доказанным фактом и никакие возражения Свайкина помочь делу уже не могли.

– Какого корейца? Какого еще корейца?! – взорвался Круглый Павлик. – Прошлый раз айзергуда мне шили... вашу мать... и сейчас...

– Заглохни, – жестко оборвал его Колосов. – Недалеко от того места, где вы остановили и ограбили автобус, найден труп пассажира. Зверски изуродованный, раздетый, обобранный (Колосов, вспомнив о главном капитале наркокурьера, произнес последнее прилагательное с особым ударением). И улики мы там изъяли достаточно, чтобы тебе и твоим недоноскам предъявить обвинение в убийстве.

– Какие улики? Какое обвинение? Какой еще кореец?! – Свайкин затравленно оглянулся на дверь. – Что ты мне снова лепишь? Ты... да я с тобой... Прокурора давай сюда мне, следователя! А с тобой... Да не буду я с тобой говорить, понял – нет?!

– Не ори, Паша. Прокурор с тобой будет разговаривать, но только после того, как ему на стол ляжет твое чистосердечное признание.

– Что ты надо мной издеваешься? – Свайкин понял, что ором и истерикой с этим «убойщиком» не возьмешь, и решил применить иную тактику: – Я ж поклялся: мы и пальцем никого не тронули! Ни разу, ну! За правило взяли: без мокрухи. Да и зачем, Господи? Они ж как овцы – и так все суют, только ствол покажи... И парни мои – Ванька вообще крови не переносит, куренка в деревне у матери зарезать не может... Ты скажи толком, что вы на нас сейчас вешаете такое?

– Сначала, Паша, ты мне толком, хоть и приватно, без протокола, скажешь, как было сегодня утром дело. Не маленький, должен понять – при таком задержании, с таким поличным, – при этих хвастливых словах Колосова Свайкин со скрежетом зубным вспомнил, как менты изымали у них на дороге оружие и награбленное, – сел ты на этот раз крепко. И проверить мне твои враки – пара пустяков. Говоров-то старший ваш – наркоголик конченный. Шприц только покажи – сдаст всех вас и еще слезы будет лить, что сдавать больше некого.

– А что ж ты сейчас его о мокрухе не спрашиваешь? – находчиво вернул Свайкин. – Чего ж опять меня мучаешь?

– А его следователь себе забрал, – равнодушно сообщил Колосов. – Там уже протокол пишут. У следователя производственный процесс ни минуты не буксует, это мы с тобой все тары да бары разводим, а там уж признательные показания строчат во все лопатки. И к тому же... тот пистолетик-то у тебя был, Павлик.

Свайкин мрачно хмыкнул. Но еще более получаса потребовалось, чтобы он нехотя, но все же начал откровенничать об утреннем эпизоде.

В принципе, его показания мало расходились с показаниями потерпевших челноков, но так как Колосов их не слышал, то внимал Свайкину, не перебивая. И, лишь когда тот дошел до момента, когда водитель автобуса закрыл двери, заперев налетчиков в салоне, начал задавать вопросы:

– А где именно находился каждый из вас, когда двери закрылись? Ты вот где был?

– Впереди. Ну, когда этот задрыга сам напросился... Я ж пугнуть его только хотел, не убивать же!

– Твое счастье, что не в голову шоферу пуля попала, Паша. А где братья Говоровы были?

– Эти сзади. Там баба еще орать начала, точно ее режут. Потом... потом он дверь открыл, мы и выскочили.

– А кто женщину ударил в подбородок?

– Только не я. Я не видел кто. Вообще *не видел, что ее ударили*.

– Ты через какую дверь выходил?

– Как через какую? Переднюю – я ж там стоял!

– А Говоровы?

– Следом за мной.

– И что было дальше?

– Ничего. Сели в тачку и дернули.

– Только вы? И Васильченко за рулем четвертый? А кореец?

– Опять двадцать пять, начальник! Какой кореец? – Бритая макушка Круглого Павлика начала наливаться кровью. – Ну какой, на хрен, еще кореец?!

– Тот, что сидел один на последнем сиденье.

– Да я его и не видел вовсе! Я за шофером смотрел, потом эта буза в салоне поднялась, ну стрельнул – так вынудили ж! Зачем бы мне сдался этот, как его...

– Зачем? Ладно. Когда драпали от автобуса, видели что-нибудь? Ведь было рано совсем – машины все наперечет на дороге. Может, кто чинился у обочины, кто голосовал?

– Я на тачки не смотрел. И какие-то вопросы странные мне все задаете... не пойму я, о чем.

– А почему вы именно тем путем драпали?

– Где вы нас тормознули, что ли? Да это Генка, зараза такая, я ж говорил: сворачивать нужно было в лес, а он – через город проскочим, все ништяк, вот и проскочили!

– А что, разве в этом лесу дорога есть? – осторожно спросил Колосов.

– Есть. Только ведет к черту на кулички. Там карьер был когда-то за лесом. – Круглый вздохнул. – Потом забросили его. Ну дорога была. Теперь бугры одни да ямы, но проехать, если знаешь, можно. Только это все равно что круг на ровном месте сделать: упруешься снова в шоссе как раз позади Кошечки. Там еще овраг. Мост там ремонтировали весной.

Колосов смотрел на Свайкина. Круглый Павлик – точно автомобильный атлас, открытый на нужной странице.

– Значит, ты предлагал ехать лесом до Кошечкиных карьеров и там уже позади блокпоста ГАИ сворачивать на шоссе, а водитель твой выбрал иной путь. Правильно я понял?

– Правильно. Если б там ехали – не сидел бы я сейчас перед тобой. – Круглый мрачно сверкнул глазами. – Клевету разную не слушал бы.

– А ведь именно в этом овраге, в лесу у Кошечки, пассажира-то того и кончили, Паша, – тихо сказал Колосов, – вот ведь какие пироги-то... Ну ладно. Все пока у нас с тобой. Следовательно тебя ждет... А наши беседы с тобой еще не кончены. Учти.

– Я не убивал никого, начальник. И учитывать мне нечего, – твердо повторил Свайкин, но взгляд его что-то Колосову не понравился. Было в нем какое-то странное напряжение, словно Свайкину сейчас невольно вспомнилось нечто такое, что он жаждал вычеркнуть из своей памяти навсегда.

Глава 6 ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Для Кати черная полоса скуки и безделья вроде бы миновала. Задержание банды Свайкина подбросило неплохой материал для будущих публикаций, и весь следующий день (а это был ее любимый день недели – пятница) она трудилась не покладая рук. О Круглом Павлике, его прежних судимостях и оправдательном приговоре за недоказанное убийство она постаралась узнать как можно подробнее. В отделе розыска, занимающемся преступлениями на автотранспорте, ее, однако, снова предупредили: вся предоставленная информация пока строго конфиденциальна. Пока обстоятельства нападения на «Икарус», пропажи и последующей гибели пассажира не прояснятся – в прессу не давать ни строчки. «Да ладно, – благодушно подумала Катя, – месяцем раньше, месяцем позже. Наберу пока фактического материала».

Про обезглавленный труп в овраге она вспоминала с содроганием. Примечательно было то, что об этой страшной находке в сводке даже не упоминалось. Это Катю насторожило: отчего это? К чему такие тайны? Она чувствовала: что-то происходит. И Кощеевка – не начало, а лишь продолжение каких-то событий, о которых она не имеет ни малейшего представления.

В который уж раз она скрупулезно проштудировала толстый том сводок, начиная с марта. Когда обычно на свет божий и появляются «подснежники» – неопознанные трупы различных сроков давности. Трупы были, однако никаких указаний на то, что какой-то из них найден обезглавленным, Кате так и не удалось разыскать. Но это тоже еще ничего не означало. В сводке эту важную подробность могли и намеренно опустить, потому что...

Катя с досадой отодвинула подшивку. Потому что – потому, что кончается на «у». Как все-таки розыск любит тайну! Понятно, конечно, что преждевременная огласка их работе мешает, но... Какая все-таки это мука вот так по крупичкам выуживать необходимую тебе для работы информацию! Видно, снова ничего не остается, как подлизаться к начальнику отдела убийств: самый ты у нас умный, Никита, самый храбрый, самый сильный... Она вспомнила, что в прошлый раз, когда ей позарез нужны были подробности двойного убийства в Кашире, доподлизывалась до того, что... Колосов, кажется, и вправду чуть-чуть не поверил, что он для нее – самый-самый. Хорошо еще, что Никита, несмотря на всю свою грозную статью, катастрофически застенчив с женщинами (или только с ней одной – кто бы подсказал, а?), а то бы...

Катя тут невольно вспомнила драгоценного В. А.: сколько они с Вадькой вместе, сколько друг дружку знают, а Кравченко ни разу не пожелал пообщаться с Никитой лично. Только через Мещерского (тот, правда, тоже давненько Никиту не видел – все дела у них, все заботы неведомо какие). Станные все же существа мужчины. Иногда, кажется, как на ладони они перед тобой – все-то у них на лице написано, чего хотят, чего не хотят. Но вот коснись дело чего-то важного, и оказывается, что ничегошеньки об их сокровенных секретах тебе и не известно. Обвели они тебя, как наивную девчонку, вокруг пальца. Вот и Колосов такой же, когда дело работы касается, а не каких-то там его сердечных склонностей...

Вот, например, если предположить, что этот труп в овраге – лишь эпизод чего-то страшного и странного, что происходит в области, то... Да как же так? Он, Никита, знает, а ей, Екатерине, до сих пор ОБ ЭТОМ ничего не известно? Неужели прошляпила такую сенсацию?

Подогретая этими мыслями, Катя тут же начала лихорадочно названивать Колосову. Но никто не брал трубку. Спустилась в розыск. Дежурный сообщил, что начальник отдела убийств с утра в Красноглинске работает по вчерашнему задержанию. И это опять-таки было необычно: ведь дорожный бандитизм не профиль Колосова, выходит, он... Выходит, он

все-таки подозревает в убийстве наркокурьера именно тех задержанных бандитов. Кого же именно? Неужели Свайкина? Хуже нет, когда тебя так и переполняет энергия, любознательность и жажда действий, а роковое стечение обстоятельств лишает возможности реализовать весь этот рабочий настрой с пользой для дела. Катя чуть не лопалась с досады: пятница – ну разве вернется сегодня Колосов из района, из этого дальнего Красноглинска в главк? Да нет, конечно. Зачем? А у нее, выходит, снова потерянный день. Прямо впору заняться какой-нибудь очередной профилактической операцией по борьбе со злоупотреблениями на потребительском рынке. Описать как-нибудь позаковыристее, поважнее всю эту скуку: сколько бутылок фальшивых винно-водочных изделий изъято, сколько административных штрафов наложено...

И она действительно скрепя сердце занялась итогами операции «Орнадо» и проработала над кипой справок, сводок и рапортов почти весь день.

Под конец рабочего дня она все же для порядка снова решила навеститься к Колосову. А вдруг? Подергала запертую дверь кабинета – никогошеньки. Чего и следовало ожидать – пятница. Придется все отложить до понедельника. И... столкнулась с начальником отдела убийств у дежурной части чуть ли не нос к носу.

– Ой, Никита, ты приехал! – Колосов, хмурый и усталый, с удивлением увидел, что Катино лицо так и просияло радостью и светлой надеждой. – А я думала, ты уже не вернешься.

Она твердила это так умильно, что... Ч-черт, женщины! Колосов почувствовал, что внутри его что-то дрогнуло, защекотало сладко – не в сердце, нет, а... Ну, словом, там... Катка-Катка... Дураком наивным он не был: давно понял, что она просто лиса. Приходит, поет, льстит, когда ей что-то нужно: интересное дело, подробности задержания, уточнение сведений. Правда, были случаи, когда он чувствовал, что она ему – верный товарищ и помощник, но... Потом все это, эта половинчатая духовная (черт бы ее побрал!) близость как-то незаметно улечивалась. Катя не появлялась, а он считал ниже своего достоинства напоминать ей о своем существовании. Ч-черт! Она же совсем ничего не желала замечать! Ни того, как он к ней относится, как смотрит иногда... Точнее, видела все, но просто... просто не подавала виду, что видит и замечает. Хитрила лиса. Эх, женщины... Сначала эта ее ровная дружеская приветливость, это ее нарочитое *незамечание* доводило его до злости и на себя, размазную несчастную, и на нее – лису... Но со временем... Вся завязка-то была в том, что у Катки был муж или друг (кто он там, Колосов в подробности не входил), которого она (черт бы его побрал!) любила. Славный малый, по отзывам их общего знакомого Сереги Мещерского, очень даже славный и с деньгами, кажется... На него Колосову, правда, плевать было с сорок пятого этажа, но... Он чувствовал: если бы не был таким размазней, давно бы поставил все точки над «и» в этом их зыбком треугольнике (даже квадрате, если учитывать чувства малыша Мещерского), но... Опять это проклятое «но»!

– Ой, Никита, а я тебя так сегодня ждала! Ты мне так был нужен с самого утра. – Катин льстивый голосок – так в тот миг казалось Колосову – эхом отдавался во всех коридорах управления розыска. Но именно из упрямства, из нежелания признаться в том, что и голос, и весь сияюще-радостный вид Кати ему очень-очень приятны, начальник отдела убийств соорудил самую равнодушную, самую озабоченную и недовольную мину и буркнул:

– Привет. И зачем же на этот раз я тебе, Катерина Сергеевна, понадобился?

– А ты куда сейчас? – Катя улыбнулась: рычи-рычи, сейчас утихнешь. – Домой?

– Нет. У меня еще дела здесь.

Делопут какой. Катя, не отставая от него ни на шаг, проследовала за ним до самых дверей кабинета. Колосов секунду помедлил, потом пропустил ее вперед.

– Душно как! Хоть бы окно открывал, когда уезжаешь. А то накурено тут...

Он молча рванул старую раму. За зарешеченным окном кабинета во дворе управления чирикали воробьи – спать укладывались.

– Ну? Только коротко, Катя, а то мне звонить сейчас должны. – Однако он сам подвинул ей стул и включил электрический чайник.

Это единство и противоречие действий и слов весьма позабавило Катю: нет, все же Никита – прежний. Даже новая «девятка» и этот серебряный пижонистый ошейник его не в состоянии изменить.

– Ты из Красноглинска, да? – Она перешла от восторженного на сугубо деловой тон.

– Угу.

– Новости какие-нибудь?

– Угу. Впрочем, как посмотреть.

– Насчет Свайкина и его соучастников?

– Угу, угу, угу.

– Прекрати, – Катя сердито стукнула кулаком по коленке. – Не ухай.

– Да-нет не говорить, красный, синий, кровавый, ужасный не называть. – Колосов внезапно оперся руками о спинку ее стула, близко наклонившись. Катя ощутила его дыхание на своем затылке.

– Никита... чайник кипит.

Он выпрямился. Выдернул шнур из розетки. Это называется – мастерски выключать ток. Этому у нее просто поучиться можно!

– Что же ты делал с самого утра в Красноглинске? – спросила Катя. – Ну, в общих чертах. Я же не об оперативных подробностях тебя спрашиваю...

– На обыски с Андреевым ездили. – Колосов невесело хмыкнул, невольно вспоминая то, чем был занят весь день.

Обыски на квартирах Свайкина и Васильченко особых улик не принесли. А посещение жилища братьев Говоровых запомнилось ему совершенно по иным, нежели выявленные по делу доказательства, причинам.

Говоровы жили в огромной коммуналке на окраине Красноглинска, где еще с тридцатых годов стояли бараки местного кирпичного завода. Таких коммуналок Колосов не видел даже в Москве, в родной Марьиной Роще, где прошло его собственное детство: огромный, разгороженный на тесные клетушки-комнаты ангар, где проживало более сорока семей. Говоровы занимали две комнаты, в которых обитали жена, теща и двое детей старшего брата Ивана. А младшему Константину места в комнатах не нашлось – он спал в кладовке-пенале, рядом с загаженным до последней возможности коммунальным сортиром.

Когда сотрудники милиции и понятые вошли в квартиру, их просто оглушил разноголосый хай (иначе и назвать-то было нельзя), доносившийся из бесчисленных каморок. Несмотря на рабочий день, народу было видимо-невидимо: жильцы никуда не торопились. Немного обалдевший от детского визга, грохота кастрюль, чада, копоты и криков разгорающейся на коммунальной кухне ссоры, следователь Андреев шепнул Колосову:

– Из такого ада вырваться – поневоле на дорогу с кистенем двинешь... Что ж тут за мрак такой?

Прямо напротив входной двери в комнате с голыми облупленными стенами, единственными предметами мебели в которой были железная кровать и колченогий стол, видимо, еще с ночи гуляла компания пропойц. Судя по пустой посуде на столе, они находились уже за гранью реального мира, а потому появление милиции на пороге восприняли как прямое оскорбление.

– Да это не к тебе, Семеныч! Не дрейфь! – зычно возвестила на всю переднюю полная брюнетка бальзаковского возраста в цветастом халате, открывшая милиции дверь. – Это

к Ваньке, Говоровы им нужны, ихняя фамилия. Эй, кто-нибудь, оторвите задницу, подите стукните им, а то я отойтить не могу – у меня варенье на плите!

Жена старшего брата-разбойника встретила их на пороге своей комнаты: молодая еще, изможденная женщина, обесцвеченная перекисью до такой степени, что сквозь редкий беле-сый пух на ее голове просвечивало розовое темечко. Известие об аресте мужа она воспри-няла молча, скорбно поджав губы. Колосов заметил, что с ней что-то неладно: двигается точно кукла на шарнирах, не сгибаясь.

– А нам-то теперь что же... Мы-то как же... Мне что теперь делать? – спросила она тупо Андреева. – Мама, возьмите Светку!

Колосов только тут заметил, что из-за двери с любопытством уставился на него черно-глазый детеныш лет двух в байковой пижамке. Второй детеныш – мальчишка лет восьми в этот самый миг, разогнавшись на роликах в коридоре, с размаху налетел на одного из поня-тых, который испуганно ойкнул и тихо выругался.

– Денег в доме ни копейки, и я ничего не могу. – Женщина все смотрела на Андреева. – Чайник поднять не могу даже, только после операции, все болит еще, ох, как болит... Мама, да возьмите же Светку! Горшок там, под кроватью. Поносик у ребенка, – жалко объяснила она Андрееву, – вот накормили ребенка крошкой, огурцами, разве ж можно... А он... муж... муж мой что сделал? За что вы его арестовали?!

Андреев, предъявив ордер на обыск, коротко сообщил. Женщина лишь руками всплес-нула:

– Грабил на дорогах! А деньги-то где ж? Ведь ни копейки никогда последнее время домой – все на отраву свою тратил. Я уж на развод подавать собиралась, только в больницу слегла... Мама, слышите, за что Ивана взяли? А Костя? И он тоже с ними? Тоже? Господи Боже... А мы-то с детьми теперь как же?

В комнатах Говорова-старшего тоже ничего не нашли. Колосова поразила нищета, в которой обитала семья дорожного бандита: полуразвалившаяся мебель шестидесятых годов, истертые коврики на дощатом полу, пустой холодильник. Иван Говоров, видимо, крепко сидел на игле. Все, что зарабатывал разбоем, уходило на вожделенный героин.

Однако, когда начали обыскивать кладовку-спальню Говорова-младшего, повезло больше. Из одного из встроенных в стену шкафов над его кроватью извлекли электрошоко-вую дубинку, коробку газовых патронов и еще две шерстяные маски-«бандитки».

– Я не знаю, откуда это у него, – бормотала Говорова. – Это Костино, не наше.

За действиями сотрудников милиции молча наблюдал сын Ивана Говорова – тот самый, на роликовых коньках. Он исподлобья глянул на Колосова, и тот аж вздрогнул: никогда еще не приходилось ему видеть такой открытой, вызывающей, яростной ненависти у ребенка.

– За что папку моего забрали? – глухо спросил мальчишка. – Он что, сегодня уже не придет? И завтра тоже?

– Уведите сына отсюда, – Андреев сказал это Говоровой, но та, не двинувшись с места, лишь крикнула:

– Мама, да сколько же раз повторять, заберите Славку и Светку тоже, посидите пока у Завгородних!

Ее мать – полная, молчаливая, в старом застиранном спортивном костюме, попыталась было увести внука из кладовой, но тот лишь вырывался остервенело из ее рук и вдруг, исте-рически взвизгивая от еле сдерживаемых слез, выпалил громко и страстно на весь коридор:

– Да чтоб вы сдохли, менты! Чтоб сдохли, сдохли, сдохли!

– Славочка, детка, да что, Господи, с тобой такое! – пыталась перекричать его бабка.

Но мальчишка ударил ее наотмашь по руке и со злобным упорством, со слезами начал выкрикивать во все горло стишок за стишком уличную дразнилку:

– Эй вы, вонючие объедки, чтоб сдохли вы и ваши предки! Эй ты, огарок свечки (это получил один из понятых), чтоб утонул ты в речке!

– Славочка, да кто тебя такому выучил?

– Эй ты, – мальчишка обернул к следователю бледное, искаженное ненавистью лицо. – Эй ты... обмылок какашки, чтоб завтра же сдох ты от кондрашки!

А в это время мать его была точно по покойнику. Оперативники же извлекали из шкафа и заносили в протокол в качестве изъятого вещдока коробку газовых патронов в количестве двадцати пяти штук.

– Как волчонок пацан-то, злыдень маленький, – заметил Андреев, когда они после обыска возвращались в отдел. – Батяка-наркоман, мать больная, бабка безропотная, бессловесная, дядька... И столько злобы к ментам у мальчишки... Кто-то в нем эту злобу уже начал выращивать. Не папаша ли, задрыга занюханная? Не дядя ли родной-любимый? Я вот о чем сейчас подумал, Никита, – Андреев покосился на мрачно молчавшего коллегу. – Хотя пока ничего конкретного нет на Свайкина и Говоровых по твоему профилю, а все ж погоди пока сбрасывать их совсем со счетов. Мальчишка-то видал каков? Яблочко от яблони... По потомству и о родственничках легко мнение составить. А ведь тут прямо злоба живая, человеко-ненавистничество, ей-богу.

Это было, конечно, сильно сказано, но в глубине души Колосов был со следователем согласен. Хотя Говоровы и Васильченко, как и Круглый Павлик, с пеной у рта настаивали на своей непричастности к убийству корейца, и в принципе их показания не противоречили друг другу, игнорировать версию о том, что это именно они прикончили в овраге наркокурьера, пока не стоило. За эту версию было пока несколько фактов: кровавое прошлое Круглого Павлика, слепая жажда героина у Вани Говорова и этот вот мальчишка с его истерическим «чтоб вы сдохли!».

Колосов вздрогнул: Катя настойчиво снова его о чем-то спрашивает: «Ты уснул, что ли, Никита?» А о чем ей рассказывать? О том коммунальном содоме, что ли? «Обмылок какашки» – это ж надо, а...

– Никита, раз так, – Катя обидчиво надула губы, – я лучше пойду.

– Я думал о том, что тебе предложить – чай или кофе, потом вдруг вспомнил, что кофе кончился, наши выдули все, – тихо соврал Колосов. Ему *очень не хотелось*, чтобы она сейчас уходила. Но отвечать на бесчисленные Катины «отчего» да «почему» тоже было тяжело. Эх, помолчала бы лучше...

Но Катя молчать в кабинете начальника отдела убийств не желала – не затем явилась.

– А можно предположить, что этот ваш Свайкин и его подручные – убийцы? – вкрадчиво осведомилась она.

– И можно... и нельзя.

Она с тоской посмотрела в окно: нет, зря я сюда пришла. Он не расположен сегодня к откровенности – устал... Но явно думает сейчас о чем-то, что его тревожит и озадачивает.

– *Ублюдки. Одни ублюдки кругом.* – Колосов потер лицо ладонью. – *Как они мне осточертели!*.. Ну, что же ты затихла? Отчего еще о чем-нибудь меня не спросишь?

«Грубияна несчастного», – мысленно продолжила Катя, но лишь горестно вздохнула. Чай обжигал губы – кипяток. Уместнее всего сейчас было бы изобрести удобный предлог и улизнуть.

– Никита, большое спасибо за чай, но я пойду, мне тоже позвонить должны, я лучше потом, завтра...

– Посиди на месте, пожалуйста. И не вертись так. Чай сейчас остынет. А у телефона нет ног, не сбежит. – Колосов внезапно дотянулся через стол, крепко взял ее за запястье, сжал и тут же отпустил. – Сейчас чайку попьем, и я на машине тебя домой отвезу. Минут через пяток поедем.

Они замолчали. А потом в поисках нейтральной темы Катя, как за спасательный круг, ухватилась за рассказ о злоключениях Мещерского в объятой революционным восстанием Джакарте.

– М-да, хлебнул Серега наш. – Колосов хмыкнул. – Позвоню ему завтра же. Сто лет не виделись. *С того раза.*

ТОТ РАЗ Катя помнила до сих пор так четко, словно трагические события, участниками которых стали и она, и Мещерский, и Никита, произошли не полгода назад, а лишь вчера...

– Не женился Сережка, нет еще? – Колосов смотрел куда-то вбок. – Ну, теперь и вообще вряд ли... А так, знаешь ли, Катерина Сергеевна, хочется на чьей-то веселой свадьбе с бубенцами гульнуть.

А она смотрела на его руки – сильные кисти, широкие загорелые запястья...

– Никита, а почему *«и нельзя»*? – спросила внезапно.

Он хмыкнул: неправильно, грамматически неточно ставить вопросы – это уж у нее манера такая. Внешняя нелепость и вместе с тем прямо спартанская краткость. И никогда такого вопроса не ждешь, потому что вроде бы уже *тему проехали*.

– Потому что Свайкина и его ребят *нельзя подозревать только в этом одном случае обезглавливания*.

– Почему? – Катя насупилась: что ж, каков вопрос – таков ответ. Ничего не поймешь.

– Потому что этот эпизод – не единственный. *Были и другие трупы. Точно такие же.*

Катя подавилась чаем. ВОТ, ВОТ ОНО! Только ради этого стоило сидеть тут, терпя все эти капризно-недружественные колосовские выкрутасы!

– Обезглавленные трупы были и прежде? У нас?! Когда? Где? Почему я ничего не знаю?

Он не отвечал. Беседа возобновилась, лишь когда она спросила:

– А кто же убитые?

– Кто? Да такие же, вроде этого нашего героинщика, полуустановленные, полунеставленные... Главная деталь для опознания везде отсутствует. – Колосов устало прикрыл глаза, но сквозь ресницы, однако, наблюдал за встревоженно-любопытным выражением ее лица. – В Чудинове за Кольцевой ярмарка вещевая. Вьетнамцы ее лет пять уж как откупили, ну и торгуют разной дребеденью. Ну вот... А тут двенадцатого мая, как раз после праздников, в пяти километрах от Чудинова в лесу лесники на два обезглавленных трупа наткнулись. Потом уж патологоанатом, когда их осматривал – у них, правда, давность уже больше месяца была, – выдвинул версию: возможно, погибшие – вьетнамцы. Ну, мы общагу ихнюю в Чудинове проверять начали. Там общежитие ткацкого комбината. Вьетнамцы там прежде по обмену работали, а сейчас просто живут. Местные этот бордель «Вавилоном» зовут. Вот, Катя, куда советую тебе съездить и впечатлений для репортажа поднабраться свежих... Или лучше нет, сиди дома. Смотри, одна туда соваться не вздумай, – он погрозил ей пальцем. – Это я так, к слову... Ну, короче, стали мы там справки у местных наводить. Вроде и вправду пропали у них два вьетнамских гаврика по весне. Поехали вроде за товаром в Малый Ярославец и назад не вернулись. Но опознание в морге туго прошло: с момента смерти больше месяца, сама понимаешь, что это. Соплеменники сомневались все: вроде они, а вроде и нет. А потом...

Катя слушала, затаив дыхание.

– А потом еще один такой случай в Москве был. На Юго-Западе, в парковом массиве, у пруда труп нашли в кустах, полуприсыпанный землей. К счастью для нас, мертвец весь в наколках был. По ним-то и по *пальчикам* МУР прокручивает, но делится и с нами информацией. Тело тоже вроде восточному какому-то принадлежит – может, киргиз, может, бурят или казах...

– Вьетнамцы, кореец и... киргиз, ты говоришь? И все обезглавлены? – Катя прикусила губу. – Но зачем? Один – в наколках, выходит, судим, сидел, хотя это еще и ничего не значит,

но... Второй, наш, – наркокурьер, как оказалось. А вьетнамцы... Ну, у этих своя мафия, говорят... Может, кто-то таким диким способом счета сводит? Может, это какая-то особая разборка у них – Восток дело тонкое, а?

Колосов молча допивал чай. Потом нехотя ответил:

– Мы пока только предполагаем, что тела принадлежат людям этих национальностей. Наверняка можно будет сказать или когда там с генами какую-то хреновину наши проведут – а это, говорят, кучу денег стоит, или же когда... – он глянул на Катю, – головы сыщутся пропавшие. А уж по ним докажем и опознаем: те самые.

– НО ЗАЧЕМ ВСЕХ ЭТИХ ЛЮДЕЙ ОБЕЗГЛАВИЛИ? Господи ты Боже, такого и не бывало-то нигде... А вьетнамцев убили тоже ножом в сердце?

– С одного удара. Чисто. И того, кто из Москвы, – тоже. И это не совпадение. Это взаимосвязанная цепь событий и фактов. Вот почему этих наших придурков дорожных я должен либо во всех эпизодах подозревать, либо напрочь отместить.

– Но пока ты Свайкина все же не отмечаешь, раз сам на обыски вместе со следователем поехал, – многозначительно заметила Катя.

– Думай как хочешь. Знаешь ли, тоже трудно в такое совпадение поверить, что на одном километре дороги грабят автобус со стрельбой, а чуть подальше отъедешь – в овраге уже трупешник валяется... Хотя *сейчас чего только у нас не случается*, Катерина Сергевна.

– Да уж, – с готовностью поддакнула Катя, а сама подумала: «Ясно, отчего мне обо всем этом писать запретили». – И что же ты, Никита, будешь делать дальше?

– А понятия не имею. – Колосов поднялся. – Ну, поехали, что ли?

– Да, да, я сейчас, только сумку заберу, – она заторопилась. – Ты можешь у метро меня высадить, но все-таки, если это и вправду цепь и система – кто-то обезглавливает людей определенного... не знаю, как сказать – типа внешности, что ли, то... Но вообще, как, например, тот наш кореец мог очутиться так далеко от места остановки автобуса в том овраге?

Но на этот ее риторический вопрос Колосов ответил лишь четверть часа спустя, когда они уже стояли у светофора на Маяковской, собираясь сворачивать на Садовое.

– Думаю, в автобусе дела обстояли следующим образом, – начал он, словно размышляя вслух. – Кореец – а он действительно наркокурьер, – (тут Катя впервые услышала о тайнике и героине в кроссовках), – ехал в Москву с партией товара. К кому и куда – это мы теперь навряд ли узнаем и... И, если все же пока исключить Свайкина и его гоп-компанию из числа возможных убийц, встретился случайно с кем-то... После того, как в автобусе начали стрелять и водитель с перепугу открыл двери, могло произойти вот что: Свайкин и его махновцы драпанули с награбленным через переднюю дверь – у них тачка перед самым «Икарусом» стояла. А кореец тот, так как с нами (а он знал, что мы туда непременно приедем и это случится весьма скоро) ему встречаться совсем не хотелось, тоже по-тихому решил в этой суматохе делать ноги, благо до Москвы уже рукой подать. Он дернул следом за этими отморозками, только через вторую дверь, у которой и сидел в одиночестве. Никто из пассажиров его исчезновения не заметил – им не до того тогда было. А кореец скорее всего побежал в лес и где-то, где точно, это надо еще устанавливать, вышел на шоссе голосовать. Ему нужно было быстрее в Москву – скинуть основной свой товар, об анаше в сумках он в тот миг уже не думал. И вот тут-то... Его увидели или увидел кто-то, кто был на машине, и... Короче, кореец поймал попутку. А потом эта машина свернула с шоссе. Там в лесу дорога есть заброшенная, в сторону карьера ведет. Возможно, кореец и на шоссе-то не выходил, а именно там они его посадили в машину – вроде бы до Москвы, и повезли... Словом, это весьма характерная и важная деталь – и про дорогу в лесу, и про то, что через мост у Кошевки сейчас еще мало кто ездит, потому что там почти год ремонт шел, – тот, кто взял на борт корейца, распрекрасно это знал. Знал и то, что там им никто не помешает. Надо искать

свидетелей. Может, все-таки кто-то ехал тогда по дороге, видел корейца и ту машину. С ума свихнуться, где и как теперь этих очевидцев искать...

– Это какой-то маньяк, да? Ты думаешь, у нас новый параноик с какими-то особыми комплексами? – Катя тревожно смотрела на свою сумочку: замок что-то барахлит.

– Маньяк или же... В той машине, Катя, могли сидеть и двое, и трое человек. Почему говорю... Да потому, что... Ты вот сама была на месте происшествия – что-нибудь необычное тебе сразу не бросилось в глаза?

Катя только головой тряхнула.

– Где уж мне, – призналась она честно. – Еле живая от страха там ползала – столько крови, такой ужас...

– След волочения тела был лишь внизу: от места обезглавливания до той трубы, куда его пытались затолкать. Но убили парня не в овраге, а наверху, на обочине. Видимо, машину под каким-то предлогом остановили на мосту – иначе как бы они смогли заставить корейца добровольно спуститься в овраг? Там склоны крутые, обрывистые, но нигде нет следов волочения тела, ни того, что оно само скатилось по обрыву вниз. Нет, тело аккуратнейшим образом спустили туда – словно на лифте. А это могло произойти лишь в том случае, когда его несли не менее двух человек, или же... Или это был очень ловкий, феноменально ловкий и сильный тип, которому оказался по плечу такой почти цирковой трюк.

Катя вздохнула: час от часу не легче.

– Два маньяка, что ли? Или три? Но почему они всех обезглавливают? И куда головы девают? Зачем они им, солят, что ли? Боже, что я несу! Чего нам не хватает, Никита, так это только двух новых маньяков с топором.

– *А это был не топор.* – Колосов остановил машину у метро «Парк культуры». – Шею не перерубили, а перерезали. Это не топором было сделано, а каким-то иным, но весьма грозным оружием.

– Скоро Мак-Лаудов тебе в федеральный розыск объявлять придется, демонических горцев с третьей планеты, – попыталась пошутить Катя, но почувствовала, что голос ее дрогнул.

Колосов не обратил внимания на ее слова и продолжал:

– Я тебе больше скажу, Катя: это дело, если мы только размотаем его до конца, будет *чрезвычайно интересным и необычным*. Или я ничего не смыслю в таких материях.

– Ты смыслишь, – заверила его Катя. – Это я, как ни стараюсь, ничего в толк не возьму. А когда же про это можно будет написать, а?

Никита лишь рукой махнул... Но Катя была с ним категорически не согласна. У тебя своя работа, у меня – своя, и если уж портить нервы, пугая себя какими-то новоявленными маньяками, обезглавливающими людей с Востока, то уж хотя бы делать это, как говаривала Сова в «Винни-Пухе», *нэбэзвозмэздо*. Но если ты, Никита, как друг, приказываешь мне пока ждать – что же делать, я повинуюсь и жду.

Глава 7 НА ВОСТОК!

Дело было вечером – делать было нечего... Честно говоря, дело было уже утром. Но дел особых все равно никаких не предвиделось. Катя сладко потянулась и обняла подушку: суббота, благодать-то какая! Вот и буду спать до посинения. Потому что...

Потому что долгожданные выходные по здоровом размышлении рисовались скучными и унылыми, ибо Вадька работал. Мало того, его работодателю Чугунову приспичило в эти выходные отправиться по неведомым коммерческим делам в Питер. И начальнику его личной охраны Вадиму Андреевичу Кравченко было приказано его сопровождать. Вечером в пятницу (они уезжали ночным поездом, ибо старый Чугунов не переносил самолеты) Вадька крыл своего работодателя на все корки: в субботу как раз начинались полуфинальные матчи чемпионата мира, и не увидеть их было для Кравченко полной катастрофой.

Катя брезгливо посмотрела на телевизор: ей было велено записывать все эти футбольные страсти – причем строго по часам. Еще чего! Она мятежно пнула подушку, взбивая ее помягче. Итак, Кравченко не вернется до утра понедельника. Ну и пусть. И футбол его тоже обойдется. Она же на эти дни предоставлена самой себе. С одной стороны – красота: абсолютная свобода, какая и демократам не снилась. С другой же – скука зеленая... Впрочем, такая же скука ждет ее и на работе, если, конечно, за выходные ничего такого не произойдет...

Вчерашняя беседа с Колосовым немножко выправила ситуацию, однако... Ей вспомнилось Никитино раздраженное «понятия не имею» на ее любопытный вопрос о том, что он дальше собирается предпринимать по делу об убийстве наркокурьера и по предыдущим убийствам. А что тут пока предпримешь? Свидетелей днем с огнем выискивать, которые, *возможно, что-то видели?* И вообще, то, что якобы этот кореец садился в какую-то машину – может, это предположение ошибочно? Колосов, однако, уверен, что убийство вьетнамцев в Чудинове, происшествие в Красноглинске и обнаружение пока тоже еще неопознанного трупа на Юго-Западе Москвы – связаны напрямую: во всех случаях – налицо одинаковый способ совершения... Надругательства над телами – так пока этот ужас назовем... Обезглавливание... Катя поморщилась: Боже, Катя-дорогуша, *о чем ты размышляешь утром в субботу?* (!) Это же прямо патология какая-то у тебя. Насчет разной мерзости криминальной с самого раннего утра мозги напрягаешь. Но следующая ее мысль была: а я, растрепана, и забыла вчера у Никиты уточнить про вьетнамцев и неопознанного – где именно их убили: там же, где и обнаружены трупы, или же где-то в ином месте, а затем привезли и...

Она разозлилась на себя: баста. Так больше жить нельзя. Сегодня же суббота! Откинув одеяло, она села в кровати. На стуле валялась футболка Кравченко, в которой он занимался по утрам силовой гимнастикой. Ну правильно, вылез, как таракан из шкурки, – не мог даже в корзинку для грязного белья сам отнести. Все я должна, я... Она взяла его майку, да так и осталась сидеть на кровати, поджав ноги калачиком. Уехал Вадичка... И вернется только в понедельник (да и то как этот Чугунов мерзкий распорядится). И вот теперь сиди все выходные одна-одинешенька... Что ж, дел домашних неуправит: надо шторы в чистку сдать – сто лет собиралась, перетряхнуть зимние вещи в шкафу, чтобы мошь не догрызла...

Тут зазвонил телефон. Катя лениво дотянулась до трубки. Кто там еще? Для Вадьки рано – они, наверное, только прибыли на Московский вокзал.

– Катюша, доброе утро, я звоню узнать, беспокоюсь – *ты не забыла?*

Сережка Мещерский легок на помине. Не спится ему в субботу. Хотя Кравченко и Мещерский дружили со школы и в институте и знали друг друга задолго до того, как познакомились с Катей, хотя в их отношениях Мещерский полувынужденно-полудобровольно удовольствовался ролью верного друга семьи и ни разу в жизни не позволил себе в отноше-

нии Кравченко чего-то непорядочного и пошлого, а с Катей раз и навсегда взял дружеский рыцарский тон, но...

Но, как Катя неоднократно замечала, именно в те моменты, когда Вадька был занят на службе или уезжал в командировки, душечка Мещерский особенно часто возникал на Катином одиноком горизонте. Вот и сейчас...

– Привет, Сережка. А что я должна не забыть? – «Ишь ты, беспокоится он в половине восьмого утра!»

– Как? В одиннадцать мы уже должны быть на Варшавке! Хорошо, что я позвонил, надо же... Разве Вадька не говорил тебе вчера?

Катя молча таращилась на кравченковскую футболку. Она помнила про футбол, про моль в шкафу, про то, что убийство наркокурьера – не единичный эпизод, а лишь звено в цепи кровавых происшествий, про бандитскую «девятку» Колосова, помнила про то, как Никита смотрел на нее вчера, явно воображая, что делает это скрытно и незаметно и она *ни о чем таком не догадывается*, а также про то, что разбойник Свайкин был уже ранее судим и в последний раз его оправдали, потому что доказательств не хватило... Но про то, что в одиннадцать нужно быть на Варшавке...

– Вадька вчера говорил исключительно про футбол, – ответила она неуверенно. – Я точно не помню, но... А зачем нам нужно там быть?

На том конце провода зловеще замолчали, потом вздохнули тяжело-тяжело.

– Я же еще на той неделе говорил вам с Вадькой – мы подписали соглашение с торговым домом «Экзотические сувениры Востока», что на Варшавке, о том, что наш «Столичный географический клуб» теперь будет сотрудничать... Словом, в этом магазине мы открываем свой филиал: в планах – пропаганда спортивного туризма по нетрадиционным маршрутам – Тибет, Монголия, Индия, Бирма, Лаос и Вьетнам. В общем, курс – на Восток. А презентация сегодня в одиннадцать!

– Ах это... Ну конечно! – Катя вскричала с таким восторженным энтузиазмом (хорошо, правда, что душечка Мещерский не видел при этом ее лица), что у него сразу посветлело на душе. – Ну, конечно, про это я помню – про филиал, про курс на Восток... И уже собираюсь. Видишь – встала уже. Сейчас позавтракаю и... Ты во сколько заедешь?

– В половине десятого. Поедем пораньше, хоть там наши сегодня с восьми утра уже колбасятся, все готовят, однако...

– Хорошо, как скажешь, – кротно согласилась Катя. А что ей оставалось делать?

За завтраком она уныло размышляла: новая причуда «географов» с открытием филиала турфирмы в какой-то сувенирной дыре, видимо, доест и последние скудные средства «Столичного клуба». И останутся компаньоны Мещерского и он сам, горемыка, на бобах. Нет у них способностей к бизнесу. И все авантюры, которые они затевают, ведут лишь к убыткам и разорению. Нетрадиционный туризм – Тибет, Гималаи, сплав по Брахмапутре – Боже ж ты мой! Мещерский упрямо не желает понять, что одержимых жаждой странствий альпинистов, аквалангистов, спелеологов и скалолазов в сравнении с общей массой обычных туристов, любящих нормальный отдых, – кот наплакал. Ну, отправятся в Гималаи или на берега Ганга, зараженные холерной палочкой, какие-нибудь один, два, три, три с половиной храбрых до безрассудства Миклухо-Маклая. Но разве это называется массовый туризм? Откуда же тут взяться доходам у «Клуба»?

Но тут в ее печальные размышления закрался лучик надежды: а может, и славно, что Сережка берет ее с собой. Она на этой дурацкой презентации все увидит сама. И если почувствует, что эти самые «сувениры», помноженные на деловое невезение и беспечность «географов» – снова прямой и торный путь к банкротству, то... О, у нее найдутся методы, чтобы убедить Сережку бросить авантюру в самом ее начале.

Больше часа Катя вертелась перед зеркалом. Просто мания какая-то каждое лето – все витрины, все стекла припаркованных машин так и притягивали ее к себе. Однако сегоднешние впечатления от собственного внешнего вида были смутными и неопределенными. Кажется, неудачно выбрана оттеночная пенка для волос, есть смысл попробовать другую и... И вообще нужно худеть. Говорят, есть какие-то чудодейственные тайские таблетки. Вот в этом магазине экзотическом и поищем – а вдруг.

Мещерский был, как всегда, точен, как часы на Спасской башне. По дороге на Варшавское шоссе он оживленно повествовал Кате об открывающихся перспективах сотрудничества:

– Покупателей в этом магазине – полно. Найдутся и желающие путешествовать с нами. Не профаны какие-нибудь, а те, кто толк понимают, вот что важно. Так что на следующий год, Катенька, если все пойдет хорошо, если с налогами, конечно, не прижмут...

Магазин экзотических сувениров Востока помещался во дворе мрачного дома сталинской постройки недалеко от метро «Нагатинская». Сначала нужно было миновать арку, над которой на белом полотнище черными, стилизованными под иероглифы буквами было начертано предостережение: «Кто не верит в будущую жизнь, мертв уже в нынешней».

Катя и Мещерский прошли арку и очутились в самом уютном дворике, каких в Москве стоило поискать: крохотные ухоженные клумбы, фонтанчик-ручеек, обложенный камнями, каменные же китайские фонари тут и там, песчаная дорожка, ведущая к черным дверям, входу в торговый зал. Когда Мещерский открыл перед Катей двери, она ощутила тонкий сладкий аромат восточных благовоний.

Хотя она и была поначалу настроена весьма подозрительно, надо признаться, что с первого же взгляда магазинчик этот Катю очаровал. И она тут же позабыла, что ехала только для того, чтобы оберегать деловые интересы Сережки. Просто с любопытством глазела по сторонам.

Магазин имел два этажа и несколько пристроек. Помимо сувениров и благовоний тут продавали и плетеную китайскую мебель, и фарфор, и книги – мистические, религиозные, эзотерические и колдовские, и видеокассеты, и продукты восточной кухни – от чая экзотических сортов до пряностей с такими названиями, которые Катя встречала лишь в сказках «Тысячи и одной ночи».

Презентация собрала довольно много народа, хватало и покупателей. «Столичный географический клуб» занял в магазине две комнаты под офис в одной из пристроек. Мещерский и его компаньоны суетились вовсю. На Катин взгляд, в новом офисе было чересчур уж много разной множительной техники, но она не стала огорчать Мещерского, шепнув, что «все чудесно».

Так как Сережка был занят, она более получаса бродила по магазину, разглядывала полки, уставленные сувенирами, а также публику. И на что было смотреть интересней, решить затруднялась.

Чего тут только не продавали, Господи! Наборы масел для ароматерапии (Катя, не удержавшись, украдкой купила для Кравченко ночные духи-пачули: говорят, привезли этот наиболее сексуальный мужской аромат из Индии еще старички-«битлы»), шарфики из расписного китайского шелка, буддийские амулеты-колокольчики, мелодично позвякивающие при малейшем прикосновении. Были тут и корзины, наполненные перламутровыми тропическими раковинами, переливающимися всеми цветами радуги, и полудрагоценные камни, в изобилии рассыпанные на черных бархатных подставках: агат, оникс, яшма, нефрит, горный хрусталь, лазурит, гранат и коралл. Резные фигурки черного дерева, кости-нэцкэ и африканские страхолюдные божки, и будда всеблагод, восседающий на буйволе, и будда спящий, и будда улыбающийся...

Катя с восхищением разглядывала и наборы для чайной церемонии, и деревянные лакированные подносы, и пейзажи из разноцветного песка для медитации, и шарики из нефрита, предназначенные для тренировки пальцев в восточных единоборствах, и рисунки для татуировки, и связки бус, и освященные четки, вырезанные из скорлупок грецкого ореха.

В зале благоухали в курилницах индийские благовонные палочки. И от переизбытка этого экзотического аромата у Кати даже запершило в горле. Она поискала в толпе покупателей и гостей Мещерского, но тот куда-то запропастился. Тогда она подошла поближе к вентилятору, гоняющему воздух. Поднялась по лесенке на второй этаж. Тут, на маленькой площадке, все стены были увешаны объявлениями: школы дыхательной гимнастики и восточных единоборств набирали слушателей на новый сезон, маги, черные и белые, потомственные колдуны и сибирские шаманы, ясновидцы в восьмом колене, предсказатели судьбы по картам Таро, кельтским рунам, песку, бобам, кофейной гуще, хироманты, астрологи с дипломом и без, целители всех мастей и оттенков с завидной настойчивостью зазывали с рекламных плакатов клиентов, обещая не моргнув глазом многое из того, что было не под силу, кажется, самому Парацельсу и Калиостро.

Духовные школы и секты тоже вывесили свои лозунги и объявления. Катя задумчиво скользила взглядом по листовкам: Московский дзэн-центр, например, предлагал обучить своих абитуриентов «опыту медитативного проникновения в философию и религию, развить интуицию, подготовить тело к длительной медитации *бхавана-саматха* и подарить четыре основы внимательности – *сатипат-ханасутра*».

Катя вздохнула: внимательность, интуиция. Первая у нее уж точно в зачаточном состоянии, а вторая страдает от переизбытка впечатлительности и неумейной фантазии. В самых простых вещах ей порой чудится нечто такое... Она поморщилась, неожиданно перед глазами возникли те жуткие картины: овраг, глинистые его склоны, роскошный шиповник (он так же сладко пах там, как тут эти палочки с берегов Ганга) и... лужи крови на траве, а потом – труп... НЕ ЖЕЛАЮ ПРО ЭТО ДУМАТЬ – она судорожно впиалась взглядом в следующее объявление, однако вдруг наткнулась на нечто такое, от чего по спине у нее побежали мурашки.

Какое-то объединение белых духовных сил из города Костромы ничтоже сумняшеся заявляло, что проводит «подготовку человека к переходу к эпохе бессмертия». И объявляло самый простейший путь к оному: огнехождение, которое будет проводиться двадцать пятого июня неподалеку от станции метро «Выхино».

Жестокость простоты единственного, как утверждалось в объявлении костромских белых духовных сил, пути к бессмертию взволновала Катю. Ее внимание приковали к себе последние строки объявления: распятие Иисуса Христа на Голгофе и новое распятие нового Христа XX века в Грозном. Она поняла, что авторы имели в виду эпизод из фильма «Чистилище». Там были такие жуткие кадры, там же были и кадры о том, как нашим солдатам отрезали головы и играли потом ими в футбол...

Катя повернулась к объявлению спиной. НЕТ. Я ГОВОРЮ ТЕБЕ: НЕТ. ТЫ НЕ БУДЕШЬ СЕЙЧАС ОБ ЭТОМ ДУМАТЬ И ВООБРАЖАТЬ БОГ ЗНАЕТ ЧТО!

– Лекс, дружок, постой здесь, подожди меня. Или, если хочешь, поднимись наверх, музыку пока послушай. Там новая коллекция записей – «Энигма», кажется, новый диск, и Жарр, они дают наушники.

– Я лучше тут постою. Ты только, пожалуйста, недолго.

Катя покосилась направо. Возле доски объявлений остановились двое покупателей: плотный шатен слегка за тридцать, одетый в черную майку «Версаче» и белые джинсы, и девушка, точнее, девочка-подросток. Катя поначалу подумала – отец и дочь, но...

Мужчина ничего, на ее взгляд, не представлял: усталые глаза, хмурое помятое лицо, точно после тяжелой ночи. А вот девочка... Ей было на вид лет пятнадцать, и она была из

породы совершенно очаровательных, белотелых, пышных толстушек, одновременно напоминающих и пуховичок, и взбитые сливки с клубникой, и модель для юной купеческой дочки Кустодиева. У девочки была роскошная русая коса чуть ли не в кулак толщиной, алые губки бантиком, рано округлившаяся тяжелая грудь, масштабные крутые бедра и восхитительная матовая кожа.

Кате тут же вспомнилась Ленка Савкина из ее двора, с которой она училась с первого по восьмой класс, пока та не перешла в другую школу. Та тоже вот была такая сливочно-медовая пампушка, и косы у нее были как у русалки. А мальчишки во дворе безжалостно дразнили ее «жиртрестом» и однажды довели до того, что Ленка по пожарной лестнице забралась на крышу соседнего дома и угрожала броситься с шестого этажа. Тогда во двор приезжали и пожарные, и милиция, и врачи снимать Ленку Савкину с крыши... Как же давно это было...

Послышался легкий хруст. Катя увидела, как девочка с косой извлекла из сумки пакет картофельных чипсов и начала медленно и методично поедать их. В ее серых глазах, устремленных на объявление, появилось отрешенное выражение, точно у тельца, пережевывающего жвачку.

А Катино внимание тут же переключилось на двух весьма колоритных перекормленных бородатых байкеров, слишком уж великовозрастных для такого обилия металлических заклепок, украшавших их кожаные куртки, брюки и сапоги, а еще шипы, кнопки, бляхи и значки. Оба были в кричащих банданах. Один – в круглых черных очках, что делало его похожим на слепца Пью, а второй в шипастом собачьем ошейнике. И оба, присев на плетеный диванчик у витрины с живописью по шелку, что-то горячо обсуждали, тыкая пальцами в стекло.

– Татуировку выбирают.

Катя и не заметила, как подошел Мещерский, словно из-под земли вырос.

– А тут и рисунки продают, и сами татуировки делают? – шепотом любопытствовала Катя.

– Тут все делают. Там, за нашим офисом, у них косметический кабинет. Там и татуировки, и тайский массаж делают. Хочешь посмотреть?

Катя покачала головой, нет уж, спасибо. На байкеров она теперь глядела с пугливой жалостью. Это ж надо терпеть такие адские муки – сорок тысяч уколов иглой и прижиганий, чтобы изуродовать свои плечи или грудь каким-нибудь синюшным зубастым драконом самого пошлого вида или оскаленной харей восточного демона. Байкеры наконец что-то выбрали и позвали менеджера. Затем торжественно и чинно удалились в соседний зал. Катя прислушалась – а вдруг завопят, когда их первый раз уколют?

– Катюша, вот познакомься, это Лева... ну, Лева Кедров, я же рассказывал тебе! Прошу любить и жаловать, – с этими словами Мещерский вдруг подтолкнул к Кате... Лева этот был ну совершенно крохотульный типчик – прямо фарфоровая куколка-лилипут! Однако ужасно симпатичный и самоуверенный франт-брюнетик, одетый в гавайскую рубашку, шорты-бермуды и сабо. Про этого Кедрова Мещерский действительно рассказывал: он тоже некогда учился в Университете имени Лумумбы, как и Мещерский с Кравченко, впоследствии работал переводчиком в торгпредстве в Осаке, а затем пристроился в какую-то сначала советско-, а затем российско-японскую фирму.

В злосчастную Джакарту он, как и Мещерский со товарищи, прилетел по делам. И затем уже вместе с Мещерским и его «географами», бросив весь багаж, удирал из обвальной пожары и убийствами индонезийской столицы. Несмотря на миниатюрное сложение (Мещерский рядом с ним казался почти высоким), а также простецки-пляжный вид, этот Лева Кедров (по словам Мещерского) был очень даже денежный парень и дельный профессионал. Он вот уже третий год являлся ведущим специалистом по маркетингу и импорту преуспевающего коммерческого объединения, владеющего сетью столичных супермаркетов

«Шелковая нить», торгующих тканями, мебелью, ковровыми изделиями, а также антиквариатом и предметами старины из стран Востока.

Катя, знакомясь с этим товарищем Сережки по «бегству в Сингапур», чуть не пополам согнулась. «Вот, – подумала с грустью, – и всего-то мужичок с ноготок, а уже фирмач, и денег, наверно, полно. А некоторые хоть и здоровые, а только и могут что кулаками махать...» Последнее замечание ясно к кому относилось, но Катя так и не успела детальнее сравнить мужичка с ноготок с верзилой Кравченко.

Кедров, ничуть не смущенный тем, что собеседница выше его на целую голову, с жаром начал шептать, что в этой «чертовой забегаловке все дрянь, дешевка, приличные люди сюда ни ногой, потому что тут и цены грабительские, а если кто знает толк в вещах и кому нужны подлинные шедевры мастеров Востока для украшения домашнего интерьера, те посещают один из многочисленных филиалов «Шелковой нити», что расположен на Покровском бульваре»...

– Да, тот, кто понимает толк, приходит не сюда, а к нам, – заявил он небрежно. – Тут так, мелкая шелупонь крутится. И... да вот, кстати, Катя, будьте свидетельницей, все отговариваю вашего Сережку от этой авантюры. Да ей-богу, старик, – он, поднявшись на цыпочки, как клещ, впился в лацкан пиджака Мещерского. – Зря ты с этой невезухой здешней связался. У них проблемы, понял-нет? Проблемы. Это я тебе говорю. Я б с шефом потолковал – лучше б у нас свою контору открыли. И пункт валютного обмена можно было б заодно пробить... Эх, Серега... Ну, не поздно еще все переиграть, хочешь, потолкую с шефом?

Мещерский переминался с ноги на ногу: не время и не место для таких бесед. Катя пришла ему на выручку, потянув за рукав к одной из витрин со словами: «Сережа, тут такой веер изящный. Хочу тебе показать».

Но Кедров неожиданно умолк, словно подавившись на полуслове, вытянул шею и с интересом посмотрел куда-то в толпу покупателей.

– Ты что это, Лев? – спросил Мещерский.

– Ничего, так... Нет, ты смотри кто сюда прилепал... Кого я вижу... Что-то тут откопал... Что только?... Кого я вижу! – вдруг зычно крикнул он. – Иван! Ива-ан! Ваня – радость моя!

Катя увидела, что крошка Кедров так горласто кричит и призывно машет рукой тому самому хмурому мужчине в майке «Версаче» и белых джинсах.

Тот, узрев Кедрова, как-то кисло и двусмысленно ухмыльнулся, но все же подошел. За ним по пятам следовала девочка с косой царевны из сказки. В руке ее был новый пакетик чипсов, и она все время жевала, жевала, шуршала им и опять жевала.

Катя снова подумала было, что девочка эта – дочь белобрючника, однако... Для ее отца он все же был слишком молод. И потом она перехватила взгляд, каким Левик Кедров мазнул (точно жирной масляной краской припечатал) по груди и ногам этой нимфетки и, в свою очередь, ухмыльнулся. Тоже весьма двусмысленно, однако не кисло, а даже совсем наоборот.

– Какие люди, Ванечка! Сто лет одиночества прямо. – Кедров пялил на белобрючника дерзкие карие глазки. – Позвольте, ребята, это мой старинный враг Иван Белогуров. А это... – Он повернулся к девочке.

– Привет, Лев. Здравствуйте, – Белогуров кивнул Мещерскому и равнодушно-вежливо улыбнулся Кате. – Не слушайте этого шута. А это ваша туристическая фирма тут, значит, обосновалась теперь? – спросил он Мещерского. – Что ж, удачи вам, тут людей много бывает, разных. Толк будет.

– А ты в Тибет никак собрался, Ваня? На презентацию-то спозаранку явился? – Кедров выжидательно смотрел на своего «врага».

– Нет, это все Лександра моя пристала, – Иван положил руку на плечо жующей девочки. – Какая-то дребедень ей тут приглянулась – купи да купи. Мы вообще-то к друзьям на дачу ехали, по дороге заскочили.

– А, ну-ну, – Кедров усмехнулся. – Хорошо тебе, радость моя, на природе отдохнуть.

– Спасибо. Ну идем, – Белогуров подтолкнул девочку. – До свидания.

– Сережа, я вас покину на секунду. – У Кати уже начиналась мигрень от развязного Кедрова. – Мне все же тот веер хочется поближе рассмотреть.

– Веер? Черный? – Белогуров покосился на Катю. – Он из Ханьчжоу. Это местный художественный промысел там, но работа довольно сносная. А вы, девушка, любите красивые старые вещи?

Катя лишь пожала плечами.

– Конечно, люблю. А кто их не любит?

– Я тоже – это моя слабость. Но все дело в том, что этот веер мы и хотели купить.

– Да ради Бога, – Катя усмехнулась. – Все равно для меня это слишком...

– Дорого, что ли?

Катя посмотрела на его капризно-приподнятую бровь. Ей отчего-то не хотелось признаваться в том, что этот китайский веер из Ханьчжоу для нее действительно зверски дорого стоит. Совестно отчего-то было в этом признаться...

– Слишком вычурно и... Мадам Грицацуева с веером из рисовой бумаги... – Она фыркнула.

Белобрючник бледно улыбнулся.

– Значит, вы любите красивые дорогие вещи. И не любите стиль Грицацукеев, так скажем... Ну раз так, то... Вот при случае, – он достал из кармана джинсов визитку. – Загляните как-нибудь по пути. И мужа своего обязательно прихватите. – Он, видимо, воспринял в качестве Катиного мужа Мещерского. – Это рядом с метро «Третьяковская». Гранатовый переулок. Мы открыты во все дни, кроме понедельника, с десяти до шести.

Катя смотрела на визитку: Иван Белогуров. «Галерея Четырех». Живопись. Скульптура. Антиквариат. Телефон, факс... Гранатовый переулок, дом 6.

Когда она вернулась к Мещерскому и его собеседнику, то услышала, как Кедров с завистливым раздражением говорил:

– Черти Ваньку сюда принесли не зазря. Что-то стоящее он на этой помойке унюхал – спозаранку примчался перекупить. У него галерея по продаже антиквариата в Замоскворечье, на всех аукционах он в первых рядах сидит. Ну, «крыша», естественно, такая, что закачаешься. Это мы люди тихие – никакого компромата и криминала, никакой урлы, а Ванька... Но интересно, зачем же он сюда приезжал, а? Пойти, что ли, справки навести...

– Что он так на этого типа взелся? – тихо осведомилась Катя, когда Кедров с новым громогласным «Кого я вижу!» метнулся от них куда-то в другой конец зала.

– Да конкуренты ж они, Катюша, – Мещерский лишь рукой махнул. – Конкуренты на ножах. Левка подозревает, что этот тип что-то стоящее из восточного антиквариата хотел приобрести, вот и бесится теперь, что не ему, точнее, не «Шелковой нити» достанется. Нас же это вообще не касается. А он что, этот, тебе свою визитку всучил? Зачем?

– Вот, – Катя показала ему белый кусочек картона. – Сейчас все к себе в магазин покупателей заманивают, вот зачем. Только антиквариата нам с тобой, Сереженька, и не хватало для полного счастья, мда-а...

А через пять минут она уже и думать забыла об этом Белогурове в белых брюках и о его малолетней спутнице, кем бы та ему ни была. Мещерский повел ее в офис – там снимались на видео на память все сотрудники. А потом она листала рекламные каталоги путешествий в Непал, на Цейлон и на Мальдивы и лениво размышляла о том, как все-таки это хорошо – быть богатым и здоровым и путешествовать без проблем со «Столичным географическим

клубом» во все эти тропические уголки, столь заманчиво изображенные на финской мелованной бумаге каталога.

Глава 8 НАЧАЛО ВСЕГО

ТО, ЗА ЧЕМ ОН ПРИЕХАЛ В МАГАЗИН, то, что ему обещали доставить по специальному заказу, то, под что он уже взял с клиента предоплату на покрытие расходов по «соблюдению конфиденциальности груза» – НЕ ПРИВЕЗЛИ. Павловский – коммерческий директор «Экзотических сувениров Востока» встретил его самой постной, самой униженной миной, бормоча, что «вышла накладка на таможне, нашего человека оттуда внезапно перевели, и в такой ситуации мы бы просто не смогли объяснить назначение этого товара, а поэтому...».

Лживая тварь Павловский! Белогуров был готов придушить этого торгаша соевой лапшой и чаем против запоров прямо в его кабинете. Ему не доставили эту чертову китайскую штуку, под которую он уже взял у заказчика деньги, которые частично уже потратил! И что теперь было делать?

Белогуров не знал.

Правда, если... если лис-Павловский все же не лгал и транспортировка товара через границу сорвалась только из-за того, что в аэропорту Владивостока на таможне прикрыли то «окно», то... рисковать не стоило. Назначение этой китайской игрушки, этой антикварной безделицы конца девятнадцатого века и правда было бы *очень трудно* объяснить таможенникам.

Белогуров, хотя его и душили досада и злость, хмыкнул. Надо на досуге и на этот предмет полистать Уголовный кодекс. Относится ли «сбыт и перепродажа» *гуй пэй* к уголовно наказуемым по этой статье действиям по сбыту порнографии. Но разве изящнейший гуй пэй – порнография? Гуй пэй – китайский музыкальный инструмент – нечто среднее между виолой, лютней и скрипкой-пикколо со смычком и струнами. Но играли на нем в конце прошлого века исключительно в покоях наложниц и жен китайских императоров, театральных певичек и любовниц высшей пекинской знати. Потому что гуй пэй не простой музыкальный инструмент, а самый искусный и пленительный механический мастурбатор, который только выдумывало изощренное восточное сладострастие. При Чан Кайши и Мао эти игрушки нефритовых покоев исчезли. И лишь у любителей и коллекционеров в Гонконге, Сингапуре и на Тайване их еще можно было отыскать. Этот гуй пэй, заказанный и щедро оплаченный Белогурову клиентом, должны были доставить с Тайваня, однако...

Проклятие! Белогуров скрипнул зубами – теперь надо возвращать этому придурку его деньги – предоплату. Восемнадцать тысяч долларов. А вся сумма составила бы сорок тысяч... По миру пойдешь с такими... Он прикрыл глаза. Ублюдки! *Кругом одни ублюдки. Если бы хоть кто-нибудь знал, как они мне противны, как осточертели они и их...*

С этим клиентом его свел Сеня Зенчук. Тот самый вечный вездесущий Сеня, которого знала вся артистическая и художественная Москва: постоянный гость всех тусовок, банкетов, презентаций черт знает чего и кого. Сеня подошел к Белогурову (это было на открытии нового салона «Маурицио Гуччи») и ткнул пальцем в рыжего, рыхлого, помятого жизнью мужика в отлично сшитом костюме и туфлях игуановой кожи, дорогих и стильных, но которые на его косолапых ногах, привычных к кирзовым сапогам, смотрелись словно снятые с чужого. Сеня шепотом назвал фамилию мужика. И Белогуров сразу усек с полуслова, что это его потенциальный клиент из новых: абориген северного медвежьего края, баснословно разбогатевший на добыче и поставке за рубеж фосфатов и селитры, этакое колымское чудо, приехавшее в столицу встряхнуться, на людей посмотреть и себя показать, прибарахлиться (его занесло не куда-нибудь, а к самому Гуччи) и спустить лишние деньжата, которые явно жгли ему упитанную ляжку.

Но спустить – и это было заметно по его взгляду, оценивающему и жадному до новизны и заграничной моды, – не значило бездумно растратить их на разные пустяки типа

валютных потаскух и ночных казино. Нет, колымское чудо явно намеревалось привезти домой из столицы что-то этакое – стильное, дорогое, памятное, словом...

Словом, они познакомились. И уже на следующий день Белогуров пригласил клиента к себе в галерею: авось и *спустит*, уверенный, что надежно вкладывает нажитые на селитре бабки в дорогостоящие раритеты – *шикарные штуки* – предметы антиквариата, которые перейдут впоследствии потомству – детям, внукам и правнукам. Но ни одна выставленная в галерее вещь клиента всерьез не заинтересовала, как Белогуров ни старался. Зато в кабинете, точнее, подсобной конторке, где работал Егор Дивиторский и куда он случайно заглянул, клиент с удовольствием и вожделением вперился в фотоплакат с итальянской выставки, где был снят Спящий Гермафродит Виллы Боргезе (у Егора это просто мания – покупать фотографии известных скульптурных памятников – в основном обнаженных мужских античных статуй и заклеивать этими черно-белыми плакатами стены). И вот, глядя на этого-то спящего мужчину с восхитительной округлой грудью девственницы, клиент за рюмкой коньяка и поделился с Белогуровым «как со специалистом в вопросах искусства» *заветной мечтой* о том, какую именно *коллекцию* он желал бы собрать.

Начало ей положила фарфоровая статуэтка, изображающая двух совокупляющихся свинок, некогда преподнесенная ему в качестве шутивого презента одним известным эстрадным исполнителем, который гастролировал в родном городе клиента. За этой фривольной вещицей вскоре последовало обширное собрание порнофильмов, покупка альбомов с соответствующими открытками, книжечки...

Теперь же, располагая достаточными средствами, этот сексуально озабоченный клиент хотел бы чего-то «посерьезней, посолидней, подороже, пошикарнее... но все в таком же духе. Ты меня понимаешь, парень, как там тебя, Иваном зовут-то, мда-а?...».

Белогуров его понимал: старому импотенту, наверняка отморозившему свое главное сокровище в полярных широтах, в его пятьдесят пять уже хотелось сахара с перцем. И желательно к тому же было бы, чтобы ЭТО явилось еще и выгодным помещением капитала.

Белогуров тогда согласился подыскать клиенту раритет по *специальному заказу*. Эксклюзивчик, так сказать... Сначала он хотел предложить этому *ублюдку* знаменитый сомовский «Альбом Маркизы», но книгу с этими восхитительными галантными рисунками не достали. Не смог перекупить он и роскошное лондонское издание «Тысяча и одной ночи» с *особыми* иллюстрациями. На аукционе эту букинистическую порнушку просто увели у него из-под носа. На антиквариат с душком, на вещи такого сорта – будь то чистая порнография или высокохудожественная эротика, цены на всех мировых аукционах (не известных, открытых для широкой публики, а особых, о которых знает лишь узкий круг) – дай Боже. Самый ходовой товар, хотя и полузапрещенный.

Вот тогда Павловский, бывший на том же аукционе, и подал идею китайской скрипки-мастурбатора: мол, есть такие, достану, привезу. Когда Белогуров описал клиенту вещь, тот сначала долго не мог понять, что это такое, а когда понял, то... В общем, это дитя непуганой тайги (откуда такая высокоградусная развращенность у этого лесоповальщика?), не торгуясь, чистоганом выложило за скрипку предоплату и... Его только чрезвычайно занимал вопрос: а как действует эта штуковина? Ты, парень, говоришь, там специальный отросток имеется – вибратор. Ну? И когда водят смычком по струнам, он и заставляет... А куда ж его, отросток этот, вставляют? Куда?! А, понял...

После пятого объяснения до клиента дошло. И он возликовал душой и загорелся: хочу такое заморское восточное чудо. Достань – за ценой не постою, тем более говорят, что лет этак через пяток цена на этот гуй или как там его только подскочит.

Договорились о цене, сроках – и вот... Сволочь, сволочь Павловский! Все же наверняка брешет про таможеню. Наверное, кто-то подставил, опередил его, Ивана Белогурова,

перекупил и теперь сам толкнет эту дрянь клиенту, не тому самому, так другому, с такими же вкусами. И если это правда, то...

Белогуров попросил у бармена пачку сигарет и зажигалку. Перед ним стояла пустая рюмка. Он заказал повторить. После того как Павловский в магазине огорошил его неприятной новостью, Белогуров почувствовал непреодолимое желание напиться. Быстро отвез Лекс домой (девчонка хныкала – мы же хотели в Пассаж, прошвырнуться по бутикам). Но Белогурову теперь было уже не до покупок и сияющих при виде подарков глаз Лекс. Скоро, очень скоро, если дела так пойдут и дальше, со всеми этими бутиками, барами, тряпьем, ремонтом квартиры, новыми тачками вообще придется завязать. Копейки снова считать придется, если только...

Бармен услужливо щелкнул зажигалкой. Белогуров (он вот уже час сидел на высоком табурете у стойки бара «Покровский дворик», что лишь недавно открылся) прикурил, выпустил дым из ноздрей.

Придется разориться вчистую, если только ТЕ ВЕЩИ не окупят себя, не оправдают возложенных на них надежд. Грешно признаваться, но сейчас вся их с Егором и Александринкой судьба в руках этого полудурка, этого идиота с внешностью раскормленного купидона, этого недоноски – в руках Женьки Чучельника.

Белогуров пригубил коньяк и... отчего-то не ощутил его вкуса. А у Чучельника и правда руки золотые, ручки... В чем-то мальчишке прямо равных нет. Виртуоз, хотя частенько (вот и в прошлый раз – проклятие!) ошибается, портит *материал*. Но ручки золотые. Как шутят в «Пока все дома», очень умелые – очумелые ручки... А мозги... Мозги у Чучельника вот уж действительно очумелые – вывихнутые наизнанку. Но опять же, если бы его мозги таковыми не были от природы, то... ТО И НИЧЕГО БЫ НЕ БЫЛО. НИКАКОЙ УЖЕ НАДЕЖДЫ, ЧТО ДЕЛА В ГАЛЕРЕЕ КОГДА-НИБУДЬ СНОВА ПОЙДУТ НА ЛАД. Можно было бы уже сегодня закрывать их «Галерею Четырех» и... И просто заказывать себе гроб с музыкой. Покупать мыло, веревку, синильную кислоту, цианид, пистолет – что угодно, лишь бы побыстрее и повернее, потому что Салтычиха при таком раскладе *все равно не дал бы жизни* ему, Ване Белогурову, а заодно и тем, кто был с ним рядом. Он держал их за горло мертвой хваткой, так, как только он, Салтычиха, и умел держать, и мог сделать все, что угодно, потому что на его стороне были и его сила, и его власть, и их панический страх перед ним.

Белогуров пил коньяк, чувствуя, как внутри мало-помалу поднимается к горлу тяжелая, липкая и черная, словно деготь, злоба против... Да полно, против одного лишь Салтычихи? Или против *их всех – их, этих...* *О, ублюдки, если бы вы знали, как я вас всех ненавижу!*

Эти приступы внезапной ослепляющей ярости против всех и вся были, пожалуй, одними из самых сильных, загадочных и неприятных сюрпризов его в общем-то довольно флегматичной натуры. Впервые он ощутил и запомнил в себе прилив подобной черной волны еще в раннем детстве, когда стал свидетелем того, как мальчишки во дворе, подвесив на ветку за хвост бродячую кошку, подпаливали ей шерсть спичками. Кошка орала благим матом, они смотрели. А он, Ванечка Белогуров, он ничего не мог поделать – мальчишки были старше, их было много, а он был первоклассник-недомерок. Он просто смотрел на мучения кошки и чувствовал слепую ненависть. Ему хотелось, чтобы мальчишки сдохли сию же секунду и желательно так же бы орали и корчились перед смертью, как эта рябая паленая киска.

Потом аналогичные приступы ярости повторялись в разные моменты его жизни. Но мало-помалу он научился подавлять их. Научился сдерживаться; говорил особенно тихо, мягко и вежливо в те моменты, когда внутри его все так и вставало на дыбы. Такое обуздывание страстей давалось нелегко. Но впоследствии, уже будучи взрослым, он оценил все

плюсы этой своей интуитивной самодисциплины. Вот тогда он впервые понял, что у него действительно сильный характер. Потом он и других заставил это понять.

А разговаривать тихо-вежливо, не повышая ни при каких обстоятельствах на собеседника голос, было просто принято в том доме, где он родился и вырос.

Сначала это была хорошая трехкомнатная квартира на Чистопрудном бульваре. Окна ее выходили прямо на площадь с памятником Грибоедова, где кольцевались трамваи. Та квартира была сплошь увешана картинами, набита антиквариатом, и жил в ней родной его дед – тоже Иван, тоже Белогуров, который был одним из известнейших московских собирателей-коллекционеров.

Дед более полувека проработал в Министерстве культуры (служил – как он говаривал) в отделе, а затем и Главном управлении по делам музеев. И свою личную коллекцию живописи и фарфора начал собирать еще во время войны. На фронт он не попал по причине заподозренного туберкулеза (который после войны благополучно излечился в одном из ялтинских санаториев), служил всю войну по интендантской части. И сразу же после прорыва блокады Ленинграда и освобождения таких городов, как Рига, Таллин, Кенигсберг, находил тысячи разных способов посетить эти разоренные войной и оккупацией места. И там скупал за буханку хлеба, за банки с тушенкой, за мыло и картошку у разных истощенных голодом, обстрелами, бомбардировками граждан, преимущественно из «бывших» и из числа творческой интеллигенции, то, что, по его опытной оценке музейного зубра, хотя в то время и не представляло для голодных людей особой цены, но в будущем могло бы составить гордость любой частной коллекции.

У Белогурова-старшего был отличный нюх на редкости и дар предвидения. Зная, картины каких художников пылятся в запасниках Эрмитажа, Пушкинского музея и Третьяковской галереи, как «творения чуждых пролетарскому искусству элементов», он начал собирать именно эти, отвергнутые соцреализмом полотна. И не прогадал. За десять лет, прошедших со Дня Победы, в его собрании появились и Григорьев, и Лентулов, и Фальк, и Ларионов, и Гончарова, и Тышлер, и Александр Бенуа. Позже он увлекся приобретением фарфора двадцатых годов, обменял несколько полотен Петрова-Водкина, Бакста, Сарьяна и Рериха. А в 59-м году в его руки попала та самая картина, которая позже и вогнала его в гроб, – «Композиция А» Василия Кандинского.

Странно, но Иван Белогуров-младший испытал приступ испепеляющей ненависти (и продолжал порой его испытывать по сей день) к деду, *этому старому кретину*, именно в связи с той злополучной картиной. В связи с ней стоило бы возненавидеть и родного отца (тот тоже во многом был виноват). Но это было, пожалуй, единственным, чего Белогуров не мог, – возненавидеть отца.

Отец, эх... Папа, папа, дорогой и любимый... В раннем детстве Белогуров-младший почти не видел своего отца. Мать (она была очень эффектной, породистой, зеленоглазой и длинноногой, красилась в платиновый цвет, обожала крупную бижутерию стиля Шанель, коралловую помаду, длинные сигареты и кроваво-красный лак для ногтей) вышла за отца и произвела на свет его – сына-первенца – довольно поздно: это был ее второй брак. Она окончила филфак МГУ, свободно говорила по-итальянски и французски и работала в Интуристе. Сколько Иван себя помнил, мать всю жизнь была окружена иностранцами. У нее были группы, которые она в качестве гида сопровождала на автобусные экскурсии по Красной площади,ВДНХ и Ленинским горам.

В 70-х иностранцы казались школьнику Ване Белогурову чудесными заморскими зверями из сказки. Они были все какие-то особенные – от одежды до запаха, от них исходящего. Много иностранцев посещало по приглашению матери и квартиру на Чистопрудном бульваре: смотреть и прицениваться к картинам. Но все эти посещения тогда были окутаны

какой-то пугливой тайной. И тогда в 72, 73, 75-м годах пионер и звеньева Ваня Белогуров не понимал, отчего это так происходит.

Отец появился в доме, когда Ване уже исполнилось семь, а затем то появлялся, то снова надолго исчезал. Явления его были мимолетны. Позже мать, выпив целую бутылку джина с тоником (презент очаровательному гиду от руководителя группы туристов), как-то призналась уже семнадцатилетнему Ивану, что «твой отец и женился-то на мне из-за этого всего (она обвела слабым пьяным жестом стены, увешанные картинами), а когда случился тот ужас с Кандинским и когда он понял, что ему больше ничего не светит тут – прос-с-сто с-с-сслинял... Все мужчины ссссвиньи, Ванечка... И ты станешь такой же свиньей, уж прости свою мамочку за правду...».

Чем занимался его отец до некоторых пор, тоже было Ивану непонятно. Этот стройный темноглазый, похожий на Остапа Бендера обаяша-брюнет в модных джинсах и заграничных пиджаках с иголки (Иван отлично помнил все пиджаки отца – и кожаный, и вельветовый, и бархатный, и твидовый в елочку), всегда надушенный импортной туалетной водой, пахнущий «Честером» или «Мальборо», что в тех далеких семидесятых было просто верхом шика, тоже представлялся Ивану в их короткие встречи существом особенным – загадочным и притягательным. Отец постоянно врал, говоря Ивану то, что он – эстрадный конферансье, то, что – администратор Росконцерта, то, что сотрудник «Мосфильма», то, что товаровед «Березки». А он был просто мошенником. Сначала мелким фарцовщиком, затем с годами – валютным спекулянт, подпольным маклером. Он сидел в тюрьме. И все это позже стало ясно Ване Белогурову как белый день. Если возле красавицы матери всегда роем вились иностранные туристы, то обаяша-отец сам толкался возле забугорных. Его чаще всего было можно встретить «на уголке» в баре ресторана «Националь», в гостинице «Берлин» и около отдела виз американского посольства.

В том году – 76-м, родители неожиданно снова сошлись (как оказалось, они и не разводились). Отец, вернувшийся очередной раз «оттуда», стал жить вместе с семьей в квартире на Чистопрудном бульваре. Мать выглядела помолодевшей и счастливой.

В тот год отец привел в их дом (это Иван узнал уже впоследствии) покупателя на картину Кандинского. Мать тогда бредила идеей купить дачу в Тарасовке. Нужны были деньги. Белогуров-старший (дед, как его звали) возражал против продажи именно «Композиции А», предлагая любую другую картину. Но покупатель, а это был какой-то вертлявый хлыщ из американского посольства, вкрадчиво настаивал именно на Кандинском.

И предложил за него двадцать пять тысяч рублей наличными. По советским временам это были большие деньги (и тогда еще в Союзе было мало что известно о ценах на Кандинского на мировых аукционах – ну, откуда, Господи?!). Родители настаивали, и дед уступил и...

С этого момента все и пошло прахом. На следующий год один из французских туристов как-то показал матери старый номер «Либерасьон», где рассказывалось о «последней сенсации» мюнхенского аукциона «Отто Бауэр», где неизвестное доселе полотно Кандинского «Композиция А», вывезенное из СССР, было продано его американским владельцем за полтора миллиона марок одному коллекционеру и любителю творчества «Синего всадника»¹, имя которого в статье по понятным причинам не называлось.

Как только дед узнал, что он упустил из рук, его разбил инсульт. Он умер в том же году полной парализованной развалиной. Перед смертью он взял с дочери клятву, что ни одна вещь из его коллекции не достанется ее муженьку, «вору и прохиндею», а все «будет

¹ «Синий всадник» – творческий художественный союз, сложившийся в Германии (1912) вокруг одноименного журнала.

сохранено для Ванечки». «Времена изменятся, – прозорливо шептал старик на одре. – Все будет у нас по-другому. Тогда он и распорядится всем этим. Тогда, не сейчас...»

После смерти деда в семье начался ад: скандал за скандалом, дележка денег, сцены ревности. Мать стала раздражительной, крикливой, много пила. Родители уже окончательно подали на развод. Начали менять квартиру и разменяли быстро и плохо на комнаты в коммуналках (матери с Иваном две на Арбате, отцу одна на Ленинском проспекте). А потом внезапно мать уволили с работы, открылось, что она была в связи с одним французом из своей группы и забеременела от него.

Был грандиозный скандал, за «аморалку» (это же был еще только 79-й год) ее склоняли на всех профсоюзных собраниях. Белогуров, которому было уже шестнадцать, относился к беременности матери с тоскливой брезгливостью (это в сорок-то с хвостом лет, старуха ведь уже – и на тебе!). Но ребенок – сынок француза, родился семимесячным и умер на третьи сутки.

А мать после родов начала пить, пить, пить... А потом наступил 80-й год – год Олимпиады, и в который уж раз посадили отца. Как было объявлено на этот раз в приговоре суда, он получил двенадцать лет за незаконные валютные операции, совершенные повторно группой лиц, причинившие крупный материальный ущерб. Тогда, в год Олимпиады, Москву чистили, словно метлой...

И потом все годы, пока Белогуров учился на отделении промышленного искусства в Строгановском училище, они жили с матерью. Она постоянно устраивалась на работу: то официанткой в ресторан аэропорта Шереметьево-2, то горничной в гостиницу «Москва», то билетершей в театральную кассу. Но она уже превратилась в хроническую алкоголичку, и нигде ее долго не держали. Часть денег за Кандинского, доставшаяся матери при дележке имущества, ушла как песок сквозь пальцы: поначалу мать ни в чем не хотела себе отказывать. Уже работая скромной билетершей в Театре имени Станиславского, она продолжала втридорога покупать у фарцовщиков «чеки», чтобы одеваться исключительно в «Березке», как и привыкла. Она даже затеяла было обмен комнат на отдельную квартиру с доплатой, но, как только деньги кончились, кончился и привычный для нее и Ивана уклад жизни.

Они оказались на мели: стипендия Ивана составляла мизер, и чуть больше, чем мизер, была зарплата матери. Это были все их капиталы, и денег катастрофически не хватало. Но, как Иван ни настаивал, как ни умолял, мать, верная клятве, наотрез отказывалась продавать картины из собрания.

Так они и существовали: в вонючей перенаселенной коммуналке в Серебряном переулке, не имея порой лишней копейки, но зато в их комнатах не было свободного клочка обоев от полотен Рериха, Петрова-Водкина, Сарьяна, Лентулова, Кончаловского, Фалька, Альтмана и многих других художников.

Если ломался уют или отлетала подметка ботинка, им надо было дня три экономить, чтобы выкроить несколько рублей на починку. В холодильнике не водилось ничего, кроме поганой дешевой колбасы, копеечных котлет и черствого батона, а за холодильником, и на подоконнике в комнате, и за шкафом, и в мусорном ведре выстраивались батареи пустых бутылок. Мать все чаще рыдала по ночам в пьяной истерике о том, что она «устала так жить», а Иван пытался что-то читать и зубрить, потому что на носу маячила сессия, однако ночные занятия под аккомпанемент материнских всхлипов впрок не шли.

Вот тогда он и начал снова переживать те приступы испепеляющей ненависти. Ненавидел и эту вонючую коммуналку, и соседей, и мать, которая только пьет и плачет, и лепечет что-то по-итальянски (старая идиотка, филологиня, кому теперь нужно, что она знает наизусть Леопарди и Теофиля Готье!), и покойника-деда, который в том далеком сорок пятом облапошил не один десяток подыхавших с голодухи питерских интеллигентов, почти задаром выменивая у них фамильные ценности, но так и не удосужился за всю свою долгую

жизнь коллекционера навести справки о *реальной* стоимости полотен русских авангардистов за рубежом!

И еще Белогуров ненавидел себя за то, что... *За что* – он объяснить себе не мог. Просто однажды вдруг осознал: такой, какой он есть сейчас, бесхребетный Ванечка Белогуров, он не нужен ни другим, ни тем более себе. Он должен, если хочет жить и жить хорошо, изменить себя. Раз и навсегда уяснить для себя железное правило: миром правят деньги. Без них – неважно, в какой валюте – ты, хоть ты и свободно говоришь по-французски, читал Пруста и Джойса, можешь спокойно поспорить о наследии латинских риториков и «Сатириконе» Петрония Арбитра – ты ноль, пустое место. НИЩИЙ. А быть нищим даже при развитом социализме – участь плачевная.

Когда в начале девяностых волна за волной пошли крутые перемены, Белогуров, приняв их с большой настороженностью, вывел для себя новое железное правило: и при диком стихийном капитализме участь нищего интеллектуала столь же плачевна. А посему надо костями лечь, но заработать столько, чтобы уже не думать о том, что такое за материя – бабки, тугрики, злотые, баксы, «зеленые».

В 1990-м (Белогуров работал тогда в том же Театре имени Станиславского, как некогда и его мать, но только заведующим художественно-постановочной частью) в его жизни произошли три крупных события: после отбытия наказания досрочно, за примерное поведение, освободили отца, в феврале от болезни почек умерла мать в 1-й Градской больнице и... И неожиданно ему позвонили из Художественного фонда с предложением и просьбой показать имеющиеся *в его личной коллекции* (теперь собрание деда целиком и полностью стало его собственностью) картины на выставке «Сто лет русского искусства».

С той памятной выставки, наверное, все для него и началось. Он тогда впервые понял, что принят в некий закрытый клуб. Принят, правда, не так, как некогда его дед – знаток и собиратель. Он был всего лишь наследником, однако его все же приняли в эту почти «масонскую ложу», как шутя говаривали некоторые члены этого сообщества, потому что собрание, которым он теперь владел, говорило само за себя. И вскоре табличка «Из частного собрания И. Белогурова» заняла прочное место на выставках рядом с указателями «Из собрания Чудновских», «Из собрания Ржевских, Семеновых, Рубинштейна, Андреевой...» – то есть рядом с фамилиями крупнейших отечественных коллекционеров и их наследников.

Летом выставка «Столетие» уехала в Лондон, где разместилась в залах престижнейшего выставочного зала – Культурном центре Барбикэн. Белогурова тоже пригласили. И в Лондоне он получил предложение от галереи Барбикэн на приобретение единственной имевшейся в его собрании картины Лентулова «Апофеоз Победы». Он осторожничал. Его страшило, что он совершит ту же самую роковую ошибку, как некогда с Кандинским.

А осенью они впервые после стольких лет разлуки встретились с отцом. Встретились словно чужие в баре гостиницы «Космос» (отец приглашал). Иван поразился, что этот красивый, поджарый и смуглый брюнет (ни годы в тюрьме, ни возраст – а ведь отцу уже перевалило за пятьдесят – словно и не коснулись его ни морщинами, ни сединой) и есть *его родной отец*. Тот единственный человек, которого он, пожалуй, не смог бы возненавидеть никогда, ни при каких ударах судьбы.

Отец впоследствии и познакомил его с *Салтычихой* – а если отбросить эту двусмысленную лагерную кликуху, с Василием Салтыковым – дядей Васей. И знакомство это стало во многом для Белогурова судьбоносным. Но вспоминать, *как это все у них начиналось с Салтычихой семь лет назад*, когда этот тип (если не считать его четырех судимостей, он на первый взгляд был человек весьма приземленный и скучный) с подачи отца решил вложить в «молодого и прыткого» Ваню Белогурова деньги, поощрив его открыть собственную галерею по продаже предметов антиквариата, Белогурову сейчас не хотелось. Коньяк делал свое дело: опьянение накатывало теплой волной.

Белогуров тяжело облокотился на стойку. В зеркале позади бармена и его напарника он увидел и свое отражение. Его голова словно плыла в зеркальной глади – ниже был никель, бутылки, разноцветное стекло посуды, а голова была словно сама по себе. Только голова без туловища...

Белогуров наклонился вправо, голова в зеркале повторила движение, словно укоряя его. Она сейчас до боли походила на *те, другие*. Он снова дернулся: Боже милостивый, зачем же это я так надрался? *Только не хватало сейчас думать о Чучельнике. О нем и его чертовых штуках. Ведь он...*

Раздался мелодичный гудок – заработала «сотка». Белогуров вынул телефон из чехла у пояса, услышав краем уха, как бармен тихо сказал официанту:

– Оборзели совсем... Как на АТС целый день. Одно меня утешает: от «соток», говорят, рак неминуемый. Разжижение мозгов у всей этой расфуфыренной сволочи...

Рак... Рак сожрал отца в 95-м. А ничего вроде бы и не предвещало... Как он кричал перед смертью, кусал руки... Был красавец без единого седого волоска и за три месяца превратился в мумию, обтянутую кожей. Врачи сказали: уже неоперабелен. Ублюдки! Не спасли... *Ублюдки, как я вас всех...*

– Алло, я вас слушаю, – Белогуров включил телефон. Голос его слегка хрипел, но говорил он спокойно. И очень даже доброжелательно.

– Ваня, привет.

Звонил Егор Дивиторский из Гранатового переулка.

– Лекс там? Не ушла? Я ей обещал, но... – Белогуров кашлянул.

– Она мне сказала, что *вы ничего не забрали у Павловского*, – голос Егора тревожно дрогнул. – Она не путает?

– Нет. Павловскому это не привезли. Придется вернуть деньги.

– Вернуть?! Ты в своем уме?

– В своем. И не ори так.

– Ты пьян, что ли? – Егор еле сдерживался. – Опять?

– А это тебя вообще не касается. Деньги придется вернуть. Не сейчас – клиент на отдыхе, у нас в запасе дней десять-пятнадцать. – Белогуров и сам удивлялся спокойному тону, каким произносил все это. – А вам с Женькой придется поторопиться. Приложить максимум старания. Ты сам понимаешь, что в такой ситуации теперь вся надежда на вашу расторопность и... мастерство.

Он слышал дыхание Егора.

– Шутит еще тоже... Мы поедем – завтра, не сегодня, конечно, а завтра, – процедил наконец тот. – Ч-черт, в ночь поедем. И завтра, и послезавтра... Только уверен ли ты, что и за это после стольких мучений нам не придется возвращать деньги?

– Он же уже оплатил нам первый заказ. Заплатит и за второй, не торгуясь. Такого клиента терять – преступление. Тем более что с другими нам сейчас...

– Ты пьян, Ванька, – Дивиторский хмыкнул. – А когда ты пьян, тебе море по колено. Хотел бы и я вот так уметь расслабляться... А мы... мы все в такой заднице...

– А ты тоже выпей. Или тебе и твоему обожаемому братцу это *противопоказано врачами*?

– Салтычиха звонил, – неожиданно жестко врезал Егор. У него была такая дурная манера сообщать важные новости в самом конце разговора. – Велел передать тебе дословно: ему обрыдла вся эта наша хренотень. Требуется к себе. Ты знаешь куда. Сегодня же. К восьми вечера.

Он ждал, что ответит Белогуров. Ждал очень долго.

– Тем более вам с Чучельником стоит поднажать, – устало и тихо ответил наконец тот. – И знаешь что, – он пьяно то ли икнул, то ли всхлипнул, то ли хмыкнул, подавившись

нездоровым смешком. – Я даже рад, что с этой китайской порнушкой все так нескладно получилось. Лекс стала проявлять к ней нездоровый интерес. А для ее возраста пристрастие к онанизму перед зеркалом, – он сделал коварную паузу, – пагубно для здоровья.

Дивиторский в трубку тоже хмыкнул. Но его раздраженное: «Кончай пить, Ванька» было произнесено уже в пустоту. Белогуров отключил связь.

Глава 9 ХОЗЯИН И СЛУГИ

Встреча с Салтычихой состоялась в тот же вечер в отдельном кабинете ресторана «Колорадо», владельцем которого состоял салтычихинский дальний родственник. В этом причудливом загородном вертепе на Киевском шоссе, где над входом лихо галопировал неоновый ковбой на огненном мустанге, на стенах красовались уздечки, седла, лассо, пустые кобуры для бутафорских «кольтов», где посетителям подавали мясо с красным перцем, копченые куриные крылышки, текилу и мексиканские пирожки тортильяс с начинкой чорризо, но где у дверей кухни, однако, рылись в отбросах отнюдь не техасские, а самые что ни на есть нашенские бомжи «с Рязани да с под Коломны», где пьяные посетители, оглохнув от Мика Джаггера, слезно просили бармена «врезать» «Миллион алых роз» и «Ромашки спрятались», где першило в горле от дыма дорогих сигарет, а уши безнадежно вяли от вялой российской матерщины, витавшей, как удушливый смог, почти над каждым занятым столиком, Салтычиха смотрелся, по мнению Белогурова, на редкость нелепо.

Весь этот бредовый техасский антураж ну никак не вязался с обликом этого кряжистого, коротко стриженного, медлительного, побитого оспой мужика. Если с кем и сравнивать Салтычиху, то уж никак не с сорвиголовой из «Великолепной семерки», нет. И на крестного отца он тоже походил мало. На взгляд Белогурова, Василий Леонтьевич Салтыков более всего походил на печального бульдога, которому вывихнули челюсть.

Салтыков был моложе отца Белогурова, и сейчас ему было что-то около полтинника, пятнадцать лет жизни он провел на зоне по самым различным статьям: от пустяка юности – квартирной подростковой кражи, до «хищений государственного имущества в особо крупных размерах повторно».

С отцом, хотя Салтыков об этом и не любил говорить, они познакомились *там*. И, видимо, сразу же нашли общие точки соприкосновения. Белогуров помнил, что, когда отец умер, организацию его похорон взял на себя этот дядя Вася: семья тогда не потратила ни копейки ни на грандиозный поминальный банкет в ресторане, ни на дорогой гранитный памятник на Николо-Архангельском кладбище.

Среди таких, как Салтычиха, отец, видимо, пользовался большим почетом – Белогуров помнил, сколько черных «Вольво» и джипов было в день его похорон у ворот кладбища, сколько незнакомцев плотного телосложения в костюмах колониальных расцветок окружало могилу. А сколько было венков с трогательными надписями «Дорогому другу от безутешных друзей!».

Белогуров тогда лишь недоумевал: как странно все же – он и его отец, которого он, правда, едва знал, и эти вот... Вон у того морда совсем протокольная, а тот синий от наколок...

С ним вся эта братия держала себя корректно, но настороженно: он был сын усопшего, плоть от плоти его, но он был чужой. Что-то изменилось в их глазах, лишь когда после поминок Салтыков обнял Ивана за плечи и усадил в свою тоже вороную, новенькую с иголки машину «Вольво» и предложил проехаться по ночной Москве развеять тоску-печаль. Развезать, да...

Хотя сам Салтычиха выглядел печальным всегда. Белогуров сначала думал – это он такой от грусти по отцу. Но потом понял, что маска печального будьдога – любимая личина Салтычихи.

Кто дал Салтычихе эту двусмысленную, оскорбительную для мужского достоинства кличку? Для Белогурова это так и осталось тайной, но в мире, с которым он вскоре соприкоснулся благодаря «связям» и имени отца, Салтыкова за глаза так звали все. Боже упаси, повторять ее Салтыкову в глаза никто не отваживался. Причем подхалимы старались уве-

рить несведущих, что кличка эта совсем не скрывала в себе никакого намека на «голубизну». Рассказывали даже, что один наглый и неблагодарный подонок по прозвищу Ося Гурзуфский однажды в пылу картежной ссоры обозвал при свидетелях Салтычиху не в меру ссучившимся и зарвавшимся пассивным педерастом – это было сказано гораздо крепче и обиднее на жаргоне, на котором виртуозно изъяснялся тот охальник. А недели через две Гурзуфского нашли на железнодорожной насыпи на перегоне Торжок – Тверь. В черепе его зияли три пулевые дырки, а кончик болтливой языка был отсечен бритвой.

С тех пор стало принято считать, что кличка Салтычиха была дана Салтыкову на заре его воровской юности во время первой ходки «туда» не за какие-то позорные вещи, пятнавшие его имя, а это был намек на весьма темные и странные стороны его юного характера, которые только-только начали себя проявлять: жестокость, коварство, мстительность, безжалостность и т. п.

Хотя, на взгляд Белогурова, жестоким только лишь из любви к чисто абстрактной жестокости Салтычиха тоже не был. Он был... Белогуров затруднился бы описать этого человека обычными словами. Печаль и скука стояли в его голубых узких усталых глазах. Но порой в его присутствии даже во время самого незначительного разговора людям становилось трудно дышать. Что-то угнетало, пригибало к земле собеседника, стискивало сердце предчувствием неминуемого страшного несчастья, которое витало еще где-то далеко, но готово было постучаться в дверь, едва лишь этот медлительный, тронутый оспой, тяжело-весный Салтычиха призывно щелкнет пальцами.

Но и это ощущение несчастья, напрямую связанного с его взаимоотношениями с Салтыковым, появилось у Белогурова не сразу. Нет, как раз наоборот: сначала-то все складывалось у них даже слишком идеально. Но тогда, правда, еще был жив отец, и его слово тоже, наверное, что-то значило...

Короче, сначала, когда Салтыков сам прямо предложил ему взаимовыгодное сотрудничество и стартовый капитал для того, чтобы раскрутиться, организовать свое дело – магазин-галерею, Белогуров чувствовал себя так, словно наконец вытянул у жизни счастливый лотерейный билет. Отец одобрил это «маленькое теплое партнерство», сам, видимо, намереваясь прибрать дела в будущей фирме к рукам. Но рак сожрал его в три месяца, и Белогуров начал вести дела со своим «инвестором» Салтычихой единолично. Условия, ему предложенные, были просты до одури: Салтыков вкладывает в проект деньги, покупает и сдает ему помещение, а остальное уж – головная боль Белогурова. Расчеты с инвестором тоже крайне просты: вложение должно окупиться за три с половиной года. Белогуров возвращает стартовый капитал плюс двадцать пять процентов прибыли, а затем начинает отчислять по столько же от каждой заключенной сделки. «Ну, это уж как дела пойдут у тебя, Ваню, – Салтычиха отчего-то звал его на грузинский манер. – Не трусь, не обижу и не ограблю. Доволен будешь. Но только если и сам будешь умным. А если нет – спрошу за все и сразу, понял – нет? Мне недотеп не надо. И это ты себе раз и навсегда заруби на носу».

Впоследствии Белогуров узнал, что Салтычиха делал такие вот «вложения» не только в «искусство», но и в более прозаические вещи, как-то: открытие нескольких павильонов по торговле кожей и меховыми изделиями в Петровско-Разумовском, строительство трех парфюмерных бутиков на Кутузовском проспекте, организация закупок и поставок на Ярославский колхозный рынок мяса и битой птицы из соседних со столицей областей, строительство сети авторемонтных мастерских в пределах второго бетонного кольца, а также строительство жилых домов и приобретение в собственность и переоборудование под современные отели нескольких ведомственных гостиниц в центре Москвы.

Короче говоря, Салтычиха разворачивался где только мог. Откуда он черпал деньги на все эти свои проекты – о, этого Белогуров не спрашивал. Да ему просто наплевать было тогда на это. Да, Салтычиха сидел пятнадцать лет, нигде не работал, потом вышел и стал

баснословно богатым человеком. А может, ему просто повезло, а? Белогуров слышал и про «отмывание капитала», и про «черный нал», и про что-то абстрактное, именуемое «общаком», но позвольте – какое все это ко мне имеет отношение? Так думал он сначала, пока...

«Галерея Белогурова» – теперь он звал ее скромнее «Галерея Четырех» – кое-как держалась на плаву первые четыре года и только за счет «ударных» вещей из коллекции деда. Иван понял это не сразу, но в конце концов до него эта скорбная истина дошла. Сначала для того, чтобы побыстрее встать на ноги и вернуть Салтычихе хоть часть долга, Белогуров продал-таки лондонской галерее лентуловский «Апофеоз Победы». За ним в руки покупателей перешли такие жемчужины дедовского собрания, как «Сценка в парижском кафе» Григорьева, пейзаж Александра Бенуа и несколько полотен Гончаровой. Потом он кое-что еще пытался продать, но ни одна картина уже не могла сравниться в цене с Лентуловым, а тем более с так глупо и преступно утраченным Кандинским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.